

ВЛАДИМИР КОЛОСКОВ • Часть 2

МИДГАРД

Владимир Колосков

Мидгард. Часть 2

«Издательские решения»

Колосков В.

Мидгард. Часть 2 / В. Колосков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505660-3

Одной победы никогда не достаточно. Мир еще полон зловещих знамений, и никто не понимает, что происходит. На дворе начало конца или просто неудачная неделя? Мидгард снова на краю гибели или нет поводов для беспокойства? С уверенностью можно сказать только одно: приключения продолжаются. Удастся ли героям остановить вторжение демонических сил? Получится ли у них сохранить древний артефакт, от которого зависит судьба всего живого, а главное — свой рассудок?

ISBN 978-5-00-505660-3

© Колосков В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Armata Strigoï	6
Глава 2. Отряд собирается	21
Глава 3. Пролегомены патафизики	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мидгард Часть 2

Владимир Колосков

© Владимир Колосков, 2019

ISBN 978-5-0050-5660-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-6894-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Armata Strigoi

– Это не гладиаторский бой, а тоска зевотная! – вздохнул Хмурый Бруз и в подтверждение своих слов шумно зевнул, широко разинув зверозубую пасть. – Подайте мне настоящую кровь! – лениво потребовал он, обращаясь к своим подданным, но ни к кому конкретно, словно и не ожидая от них исполнения невозможного приказа.

– Негде взять настоящую, – ответил Ородук, королевский любимец и лучший воин Бруза. – Этих замарашек убогих по холмам с неделю собирали. Разбегаются как тараканы.

– А то ты знаешь, как тараканы разбегаются! – высмеял Бруз человеческий оборот, который невесть где подхватил его подручный.

Оправдывая свое прозвище, король из пещер хмуро взглянул тремя красными зрачками, в которых полыхал древний огонь Священной Горы Муспелльсгейма, на гладиаторскую арену внизу.

В небольшом кругу, не шире восьмой части стадия в поперечнике, копошились разряженные в воинские латы, точнее в некоторое их подобие, саламандры. Половина «гладиаторов» выступала за отряд Муспелльсгейма – они были одеты в традиционные, легкие одежды саламандр. Вторая половина саламандр изображала войско людей – их насильно облачили в изрубленные и слишком большие для них доспехи людей. Эти доспехи, прибывшие в мир огня в качестве трофеев, и в первый день производили впечатление рухляди, которой место на кузнице, а с каждым гладиаторским боем кольчуги еще больше ветшали и расползались на кольца, щиты выглядели жалкими обрубками, мечи давно погнулись, а те, что не гнулись, переломались. Ородук не зря назвал саламандр-гладиаторов замарашками.

Воинство «людей» имело вид весьма жалкий, но все же за счет небольшого превосходства в броне теснило на арене легкую пехоту саламандр национальной команды. Саламандры нехотя наступали, время от времени нанося противникам небольшие раны, после чего раненые с визгом отступали за спины более удачливых сородичей. Бой тянулся уже час, но из сотни гладиаторов погибла лишь дюжина, а дюжина ни в коей мере не могла насытить кровожадность зрителей.

На трибуне, в качестве которой выбрали ровный выступ скалы, нависавший над ареной, расставили плоские и круглые камни. Публика собралась числом также около сотни. Это была дружина короля, а именно те из его дружинников, кто не был занят в грабительских походах и на других работах. На камнях восседали гиганты в броне из камня и черного железа. Они втрое превосходили саламандр ростом и десятикратно – в искусстве рассекать щиты и рубить головы.

– Надо бы вырезать в скале уступы, чтобы сидеть в несколько рядов, – заметил Ородук.

Он всегда восхищался театральными выдумками людей, которые тратили много времени и сил на изобретение увеселительных зрелищ. Если бы они тратили эти силы на обучение войне, биться с людьми было бы интереснее, но с каждого по способностям, как говаривали в Муспелльсгейме.

Если саламандры скверно дерутся, то лучше заставить их рубить, обтачивать и перетаскивать камни, строить что-нибудь, а бьются на арене пусть сноровистые к этому делу люди, они же первыми придумали гладиаторские бои, которые теперь пытался пересадить на почву Муспелльсгейма король из пещер. Но у людей были и специальные школы, и целый международный рынок гладиаторов. Куда духам огня до такого?

– Зачем? Все равно никакого проку. Смотреть не на что! – вновь посетовал Бруз.

– Найдется! – уверенно ответил Ородук.

Бруз встал с камня, на котором сидел, простер руки к пепельному небу и обратился к собравшимся поглазеть на саламандр сородичам.

– Я хочу кровь рекой. Я хочу отрубленные руки, оторванные ноги, вырванные хвосты. Что это за деревенские пляски на праздник урожая? Кто я над вами: князь величайшей дружины, что топтала дороги семи миров, или какой-то сельский староста? У меня чтобы головы катались по полю! – воскликнул величайший князь, но и он, и Ородук, и все остальные понимали, что проще самим рубить саламандрам головы, чем заставить их сражаться. Ответом Брузу было молчание. Тогда он позвал своего нового знакомого.

– Гильгерот! Любезный мой гость! – позвал король, и на его зов из ряда подданных вышло существо, разительно отличавшееся видом от прочих. Ростом и статью он был такой же гигант, как и прочие дружинники, и если кому уступал в росте, то не больше двух футов. Плоть же его была словно выточена из камня и гладко отполирована до блеска. Тело черного гранита пронизывали прожилки малахита, которые струились по Гильгероту волнистым узором, когда тот двигался. А когда Гильгерот гневался, голубой малахитовый узор менял цвет на оранжевый и светился изнутри. Никто не видел этого сияния, потому что тот, кто видел, редко мог пережить гнев Гильгерота, чтобы поведать о том, каков он в ярости.

– Я здесь, мой добрый друг, – отозвался Гильгерот, подходя на зов короля.

– Закончи, пожалуйста, этот жалкий спектакль в приличествующей нашему сборищу манере! – попросил король.

Гильгерот не входил в его дружину. Он был его гостем и демоном. Очень могущественным демоном и незванным гостем, что делало его вдвойне неприятным, но королям приходится вести дипломатические переговоры и с более несносными послами.

– Разумеется, – отозвался демон и извлек из своего тела черную шкатулку.

Откуда он ее извлек, никто не понимал: одежды на Гильгероте никакой не было, не было на нем ни складок кожи, ни наплывов мускулатуры, в которых можно что-нибудь припрятать. Он ходил обнаженным, сверкая каменной мускулатурой, как древние олимпийцы. Не помышлял Гильгерот скрывать и ту часть тела, которая свидетельствовала о его принадлежности к мужскому полу. За привычку к наготу демон заслужил среди склонных к грубому юмору дружинников Бруза прозвище – Малахитовые Шары. Про то место, из которого Гильгерот якобы доставал разные вещи, в дружине короля ходили не менее сальные шутки, и нам не обязательно их повторять. Вот и сейчас появление шкатулки в руке Гильгерота не обошлось без нескольких смешков.

Гильгерот открыл шкатулку, вынул оттуда горсть черных зерен и бросил на арену. Зерна за краткий миг выросли в черных демонов Баала и набросились на саламандр. Два войска гладиаторов при виде опасности сразу смешались и заняли совместную оборону, но оружие саламандр не могло повредить демонам. Под всеобщий гул дружинников, под заключаемые пари, кто будет последним, под зевоту короля, насмотревшегося на избиение беззащитных, саламандры исчезали в черных пастях.

– Нам бы добыть настоящий людей... – протянул король.

– Они великие воины, добывать их тяжело, – ответил Ородук. – Они редко выбирают плен. Мы можем достать крестьян, но от них добыешься не больше, чем от этих зеленых. – Он с безнадежностью махнул рукой в сторону разрываемого на части воинства гладиаторов. – А их воинов нельзя захватить живыми-здоровыми, в бою с нами люди стоят насмерть.

– Вот в этом и суть! – вздохнул король. – Где мой низкорослый чтец? Чтеца! – громко потребовал он.

Откуда-то из глубины дружинники выудили карла, которого король называл чтецом. Передаваемый из рук в руки, как ведро с водой на пожаре, гном истерично махал ручками и ножками. Наконец его бросили под ноги королю. Карл одернул с лысой макушки задравшийся воротник дырявого, но еще не окончательно растерявшего былую пышность камзола, за который его тащили к королю, огляделся и, столкнувшись взглядом с огненными зрачками короля, упал на колени.

– Порадуй хоть ты нас! Читай нам, как в тот раз... Про этого... ты понял... – лениво распорядился Бруз.

– Да, мой повелитель. – Карл поднялся и, схватившись руками за колени, унял дрожь в ногах, которая нападала на него всякий раз, когда он оказывался перед повелителем мира огня. – Про Ассурназирапала?

– По этого, с горами... – кивнул король.

– Я наполнил трупами их все пропасти гор? – второй раз уточнил карл.

– Да! – рявкнул Бруз, теряя терпение.

Гном подбоченился, выпятил грудь и начал декламировать:

– В начале моего царствования я победил двадцать тысяч москов и пять их царей, которые не платили дани. Я наполнил их трупами овраги гор. Я разрушил стены их городов, взял их рабов, добычу и сокровища. Шесть тысяч из них, которые ускользнули из моих рук, обнимали мои колени. Я сделал их пленниками. Я пошел войной на страну цумуков. Я опустошил их земли, я сжег и разрушил их города. Я напал на страны кариасов и куркиев. Я победил их, я наполнил их трупами все пропасти гор. Я занял двадцать пять их городов, которые сжег и сровнял с землей. Я покрыл развалинами страны саранитов и аммонитов. Я преследовал их армии, как испуганных животных. Я сжег, разрушил и сровнял с землей их города.

– Давай про пирамиды... – потребовал Бруз, – и эти... – Он изобразил руками нечто вроде ожерелья.

Карл согласно кивнул и, театрально кашлянув, продолжил декламацию.

– В Нистуме я подверг острию меча двести шестьдесят тысяч сражающихся. Я срезал им головы, чтобы выстроить пирамиды, – читал по памяти карлик, стараясь изобразить руками пирамиду.

– А-ха-ха, – загоготал король. – Веско сказано, не правда ли?! Пирамиды! Давай дальше.

– Я захватил Буба, сына Бубы, начальника Нистума, я содрал с него кожу и повесил ее на стене города. Я убил по одному человеку на каждые два человека. Я приказал содрать кожу с предводителей восставших и их кожами покрыл стену города. Я сделал короны из их голов, гирлянды из их трупов нанизанных на веревки... – Карлик запнулся¹.

– Что такое гирлянды? – спросил король, как спрашивал при чтении этого фрагмента всякий раз, не в состоянии запомнить это слово.

– Это, мой грозный, хмурый повелитель, украшения, которые люди собирают из одинаковых или похожих частей вдоль одной направляющей, вроде бус, только большие, служащие для украшения жилищ и иногда деревьев.

– Я еще позаимствую у людей эти украшения! Вот забавники! – повеселел Бруз. – Сами люди оставили нам заповеди, как следует поступать с ними. С теми, кто не чтит силу своих соседей...

Карл в страхе сглотнул, он не понимал, кого имеет в виду король под соседями: людей или обитателей Муспелльгейма – карлов и саламандр. Бруз тем временем продолжал:

– ...кто забывает их, кто бунтует и восстает против них, кто бежит от боя. Но мы вернулись! Мы – бессмертные! И мы не останемся в тени безвестности. Мы вернем старые времена, о которых и людской царь говорит с такой ясностью. Дальше!

– Успехи моего оружия наполнили ужасом земли халдеев... – пробормотал карл. Он сбился, потому что решил, что чтение на сегодня закончилось.

– Что за халдеи? – снова перебил король.

– Должно быть, народ, – ответил карлик.

¹ Чтец близко к тексту воспроизводит сохранившиеся ассирийские надписи XII—IX веков до н. э., однако ошибочно смешивает Тиглатпаласара и Ассурназирапала. – Прим. автора.

– Верно сказано. Успехи должны наполнять ужасом. Мы тоже наполним ужасом наших успехов многие земли. Ладно, брось! Эти пустые народы, память о которых сохранилась лишь числом убитых и угнанных в рабство, тот царь может перечислять бесконечно. Его это забавляло.

– А кого бы не забавляло? – усмехнулся Ородук.

– Но меня утомляет, – dokonчил Бруз. – Про «предать острию меча» все там?

– В списке только это, – замялся карл. Он в пятый раз пересказывал эту историю, но всякий раз король выглядел одинаково разочарованным их краткостью, а когда король разочарован, лучше не стоять перед ним. – Но в полных анналах этих земных царей описано множество битв, если бы мне достать все списки с них...

– Когда он жил, этот Ашшур?

– Задолго до... за дюжины поколений до первых вторжений нашего великого повелителя в земли людей, – ответил карл. В глубине души он презирал людей и все ими созданное, но ради ублажения слуха Хмурого Бруза ему пришлось нахвататься из ассирийской истории. Источником был единственный список об истории людей, который нашелся среди многочисленных бумаг карла. Если бы раньше ему сказали, что знание о людях поможет ему спасти свою жизнь от гнева Хмурого Бруза, он бы хранил все книги о людях, а не топил ими печь, но знал бы, где упасть, – соломку постелил, как говорят в Мидгарде.

– С такими правителями неудивительно, что люди выросли в могучих воинов. У нас таких царей тоже было немало. Магия испортила людей. Мы им еще покажем, что они потеряли, обратившись к Искусству. Мне нужен толковый сочинитель. Набросать песню.

– Да, мой повелитель, – раболепно согласился карл.

– Ты что мне дакаешь! – заревел король. – Ты ни сочинить, ни раба пленить не сможешь. Даже книги сохранить не сумел. Также мне, книжник! Самого бы тебя на переплет пустил, да один ты у меня такой умный! Пшел с глаз!

Карл прошмыгнул между ног дружинников, спеша скрыться подальше.

– Вернуть! – вдруг рявкнул король.

Чья-то нога ловким пинком подбросила карла в воздух, словно он был набитым мячом для игр. Взмыв в воздух, он бесформенным комком пыльного камзола, из которого, как корявые сучья из селевого потока, выглядывали кривые члены, приземлился перед королем.

– Когда второго приведешь? – спросил король у карла, носком железного сапога нащипывая в прилетевшем ему комке тряпок голову.

– Скоро, мой повелитель. Всего шесть ловушек осталось. Не больше девяти! Клянусь Святой Горой, – забожился карл.

Королевский сапог нашел голову и за подбородок повернул карла лицом к своему высокородному обладателю.

– Ты мне это в прошлое затмение обещал. – Король углядел в комке руку и наступил карлу на палец. – Еще шесть, еще шестьдесят! Мне плевать! Если до следующего затмения убийца виртхроажпробурффримира не будет в моих руках, я тебя сам в последнюю ловушку засуну, а как она тебя на фарш перемелет, из твоих внутренностей сделаю хирлянду, набью твои кишки твоим же фаршем и повешу на ворота. – Палец карла хрустнул под сапогом Бруза. Карл отчаянно заскулил, не пытаясь, впрочем, высвободить руку, так как это было бесполезно. Удовлетворившись одним пальцем, Бруз сменил гнев на милость и поднял ногу.

Получив свободу, карл под гогот дружины ретировался исполнять приказание.

– И Хверту мое почтение передавай! – крикнул вдогонку карлу Хмурый Бруз.

Пока шло чтение, гладиаторы встретили тот печальный конец, который ожидает всех гладиаторов, кроме самых удачливых. Едва избиение закончилось, не оставив на арене ни одного целого тела, Гильгерот какой-то магией вернул демонов обратно в шкатулку, которая исчезла в его теле столь же непостижимо, как и появилась.

Представление закончилось. Дружинники разошлись. Добровольные лорарии из дружины Бруза спустились вниз на арену собирать доспехи для следующей группы пленников. Хмурый Бруз в компании Ородука и Гильгерота пошел к своему замку. Замка, правда, пока никакого не было. Было место для замка и подготовительные земляные работы. Стена в локоть толщиной и в саламандрово колено высотой блестела свежим раствором и источала самые мерзкие запахи, говорившие о лютой нехватке даже самых простых компонентов для раствора. Даже известь строители заменяли костной мукой, получаемой из «гладиаторов».

Вернувшись домой после тысячелетнего заточения в Мидгарде, Хмурый Бруз очень обозлился, когда не нашел на старом месте своего замка: за тысячу лет его старую крепость до фундамента разобрали на камни. Тогда Бруз заложил новый замок. Место под строительство с точки зрения фортификации было выбрано скверно. Лучше было воздвигнуть замок на скале, но его строили под скалой, разбивая на камни ту самую скалу, на которой его следовало воздвигать. Нельзя сказать, что Бруз был таким уж дураком в осадном деле, просто укрепленный замок не отвечал его целям. Он и в страшном сне не представлял, что кто-то решится его осаждать, а если решится, то Хмурый Бруз не станет отсиживаться за стенами, а выйдет биться со своей дружиной на ровный простор, каменной пустыней окружавший подступы к будущему замку, кроме той самой скалы, но ее скоро сроят, чтобы возвести стены.

Врагов будут устрашать не крепкие стены и хитроумные военные машины. Страх в их сердца будут вселять «хирлянды» черепов, которыми Хмурый Бруз по заветам ассирийских царей украсит стены. Кожа, содранная с пленных, защитит ворота надежней, чем железные решетки. Бруз стоил не крепость, он возводил для себя дворец и храм войны, в котором ему будут воздавать почести духи огня рангом пониже.

На строительные работы согнали саламандр и вытащили из нор последних карлов – руководить кладкой. Работа шла медленно. Минула дюжина затмений, а замок вырос на гулькин нос. На всю работу уйдут десятилетия, но Бруз планировал в тысячи раз увеличить число живой силы у себя в подчинении; для этого надо объявить войну королю саламандр и покорить, обратить в рабство все их племена; а для этого нужно вооружить дружину по заветам древности; для этого нужны карлы-оружейники, пока же им попадались лишь книжники, рудокопы, камнетесы и строители, те, кто, по карловскому выражению, шлак от шихты отличить не мог.

У Бруза имелась задумка: тот карл, который разбил королевский фримир, он-то должен понимать в оружии, он разбил его, но он и создал. Кроме великих знаний, он хранит в своей норе души остальных карлов – и не только карлов. Бруз должен получить эти души и их хранителя. Тогда он обретет власть над теми, кто был основой его бывшего могущества, и всеми их знаниями. Тогда он объявит войну саламандрам и поработит их всех. До тех пор он не король, а лишь деревенский староста, как он сам пренебрежительно говорил о своем нынешнем положении; не воин, а разбойник, который совершает набеги на земли людей не властвовать в покоренных землях, а в надежде разжиться оружием (и не каким-нибудь особенным и великим оружием, а обычным крепким, железным, кованым оружием). Вот до чего он опустился. Точнее, вот до чего низвели его люди. Они заплатят за это.

– Что ж, Хмурый Бруз, король огненной геенны, ты подумал о предложении, которое было передано тебе моим господином? – спросил Гильгерот, когда они остались втроем. Демон предпочел бы обсудить важное предложение с Брузом с глазу на глаз, но у короля не было секретов от Ородука, кроме того, его приспешник везде таскался за Брузом в качестве телохранителя. Бруз не нуждался в защите еще одного духа огня, который был слабее его, но если в гневе вдруг захочется кому-нибудь расплющить рыло, то не мараться же королю самому. Ородук сделает все за него.

– Подумал! Аж всей силушкой ума напрягся! – рассмеялся Хмурый Бруз на вопрос демона. Он давно ждал, когда Гильгерот потребует ответа.

– Каков будет ответ? – вежливо поинтересовался Гильгерот.

– Передай Баалу... – начал Бруз и остановился, подыскивая подходящие слова. – Пусть оседлает он тебя, Гильгерот, как девку красную, и катитесь в таком виде на шесть сторон света!

– Я могу убить тебя прямо сейчас, – пригрозил демон, и голубые прожилки загорелись оранжевым.

– А ты попробуй! – Бруз упер руку в бок со стороны меча. Ородук на полшага заступил между своим королем и демоном.

Гильгерот дотронулся до Ородука. Раздался гром, блеснула вспышка света, и заклинание свалило любимца Бруза на землю. Гильгерот остался один на один против короля. Демон каменной ладонью стиснул Брузу горло, но королевская шея знавала хватку и потверже. Бруз впился пальцами одной руки в локоть демона, ослабив на своем горле захват, который передавал бы шею и быку, другой же рукой король прихватил Гильгерота за те части, по которым демон получил в дружине нелестное малахитовое прозвище.

– Твой господин не властен в Муспелльсгейме. Я здесь и власть, и сила, и порядок! – погрозил демону Хмурый Бруз. – Снова объявишься на моей земле – я тебя за них на воротах повешу, – пообещал король, усиливая хватку в обеих руках.

Ни один из них не мог одолеть другого, и после короткого противоборства они с демоном одновременно расцепились. Разойдясь, они продолжили испепелять друг друга глазами: красный огонь Священной Горы Муспелльсгейма, троекратно горящий в зрачках короля, и черная бездна Баалова небытия в пустых глазницах демона.

– Баал – пожиратель миров. Когда Он придет вместо меня, ты пожалеешь, что твой пыльный череп не остался гнить в Мидгарде, – пригрозил Гильгерот.

– Гость явится – жрать подавится, – карловской присказкой парировал Хмурый Бруз.

– Если хочешь подольше пожить в своей огненной дыре – найди нам Длань, – повторил демон свое прежнее предложение.

– Баалов отпрыск освободил меня от проклятья людей, а теперь ты хочешь, чтобы я пошел на него войной за вашу хитрокованую железку? Ты сам себя слышишь? – переспросил Хмурый Бруз, перевернув предложение демона так, что оно стало выглядеть абсурдно.

– Губитель Царств – не какое-то магическое оружие, это проводник воли Его! – напомнил Гильгерот.

– Лучше следить надо за цацками! – усмехнулся король. – У меня наемники тоже знатный фримир свистнули. Не просто свистнули, а свистнули и разбили. Эпоха зашла со смертью моего благородного оружия. Обидно мне, но я по девяти мирам не бегаю побираться. Одна эпоха закончилась, мириады затмений канули в Муспелльсгейме, и с тем зашла эпоха Хмурого Бруза, но за ней грядет другая эпоха – эпоха Бруза Ужасного. Так обращается колесо времени, демон.

– Брось слагать стихи для бродячих певцов, король. Я не твой летописец. Я пришел посланником Пожирателя Миров, бога, который сильнее тебя и твоих безоружных когорт, и вот его слово: Длань Баала в обмен на твою жизнь и Муспелльсгейм, – повторил Гильгерот предложение и исчез во вспышке голубого пламени.

– Слабак, даже тебя перешибить не смог! – ухмыльнулся Бруз, помогая Ородуку подняться. Сегодня прозванный Хмурым король смеялся больше обычного.

– Так мы сказали «нет»? – спросил Ородук, ощупывая то место, куда его ударило заклинание Гильгерота.

– Нет! – грозно подняв глаза к красным небесам, повторил Бруз. – Муспелльсгейм не признает ничью силу! Полумертвый божок не указ Священной Горе.

– Они явятся большим числом. Орды Баала не знают счета, а у нас нет оружия, – равнодушно сообщил Ородук. Гильгерот не зря назвал дружину Бруза безоружной. Демон-посланник прознал слабость короля.

– С оружием или без, мы духи Священной Горы, мы – воины, мы не уклоняемся от боя, – произнес свое кредо Хмурый Бруз. – Я помню Баала, когда ему служили люди. Люди прино-

сили ему кровавую дань. Мы бились с его армиями в Мидгарде, когда он защищал от нас свою еду. Мидгард был полями, где Баал собирал кровавую жатву: души он пожирал сам, а плотью и кровью насыщал своих отпрысков. Теперь люди и сами стали жнецами.

– Гильгерот! – вдруг заревел Хмурый Бруз. – Видно, долго он прокутил с допельгангерами, если решил, что может обратить нас, духов огня, в таких же покорных, таких же безгласных. Нас, сотворенных из того же пламени, что и древние боги!

– Мы не пойдем искать Длань? – уточнил Ородук. От меча Баала на поясе он бы не отказался.

– Если люди выставят против нас оружие Баала, мы отберем у них Длань и я своей рукой обломаю дрянную кочергу об рога очередного Баалова прихвостня, что сунется к нам. По мне же, пусть люди сами с ней колупаются. Когда они прислуживали Баалу, то сами бросили в землю зерна нынешней распри. По мне, так это их дело – платить по старым долгам и кровью искупать нарушенные клятвы. Мы в случае нападения постоим за себя и без Длани. Наше дело – месть. Восстановим нашу честь! И с этим нужно поспешить. Люди нанесли нам много обид. За наше заточение они должны ответить сполна. Нужно спешить, – повторил король. – Если Баал обозлился на людей, если он возвращается, нельзя дать ему опередить нас. Когда он явится в Мидгард, пусть увидит пахоты, засаженные отрубленными головами; пусть вдыхает дым от тысяч городов; пусть пройдет тысячу дорог, по которым ветер гоняет не пыль, а волосы мертвецов; пусть найдет на месте своих капищ руины.

– Поедим? – предложил Ородук. Для него альянс с Баалом казался выгодной сделкой, но он знал свое место. Он не будет все напоминать о своем мнении Брузу. Ородук – соратник, а не советник.

– Да, можно черепушку опрокинуть!

Бруз с Ородуком спустились со скалы на плато, где возводили дворец. Они пришли к шатру, у которого на кострах стояли котелки. Рядом с котелками валялись тела саламандр, притащенные лорариями с арены. Повар не спеша разделявал туши топориком.

– Плесни-ка нам!

Повар молча наклонился к куче, где лежали головы. Взвесив на руках несколько голов, он выбрал две покрупнее. Головы были пусты. Мозг повар раньше выскреб в котел, где редкими пузырями закипало желто-серое варево. Набрав половником варево, он наполнил им головы и передал их Брузу и Ородуку.

– Походная еда! Добро! – похвалил Бруз, вращательным движением руки закрутив содержимое страшной посуды в воронку.

– Эх и давненько не приходилось нам жрать саламандр. – Ородук запустил в кипяток палец и слизнул с него варево. – Мозги у них ничего.

– Мясо тоже годится, – добавил Бруз и откусил от своей чаши ухо, но, пожевав немного, выплюнул на землю. – Надо как следует поварить.

– С голодухи и кости сожрешь, но мозгов у нас пока хватает. – Ородук отпил из головы и сладко причмокнул.

– Скоро не будет хватать. – Бруз ополовинил свою порцию. – На сколько затмений? Еще на дюжину? На две? А потом?

– Срежем паек. Нам много не надо, – пожал плечами Ородук, стараясь не отставать в скорости пожирания мозгов от короля. Это, однако, было нелегко: блюдо было, по сути, кипящим жиром и обжигало нутро. Одно дело ошпарить в жире палец (для плотской формы духа огня это и не ожог вовсе), другое дело – пропускать его через горло, где творящая звуки плоть была сообразно своему назначению намного нежнее, чем луженая кожа на руках.

– Нужно захватить большое племя, в десять тысяч голов, – предложил Бруз. – Целиком захватить. Детей и женщин будем жрать, а мужчин загоним на стройку. Нужно поднять элементалей.

– Таких племен поблизости не осталось. Мы всех разогнали. За такой добычей поход на два затмения надо собирать, – посчитал Ородук. – Пока будем идти, они могут собраться силой. Без оружия захватить их... – Ородук поймал хмурый взгляд Бруза и осекся. – Но если мы пойдем скрытыми путями...

– Здесь многое изменилось, я не узнаю скрытых путей, – произнес Бруз, оглядывая с плоскогорья, где медленней, чем волосы на голове, рос из земли его будущий замок, окрестности.

– Мы могли бы занять город людей, – предложил Ородук. – Люди живут плотно. Несколько тысяч захватить нетрудно. Они хорошие работники.

– И кормить их саламандрами?! – закричал, раздражаясь от тупости Ородука, Бруз. – Люди жрут и пьют без меры и совести – без своих колосков, зернышек, скотины, колодцев и источников им не выдержать в мире огня и недели. Собирай отряд для похода за саламандрами в их дальние земли. Ты поведешь дружину. Приведи мне хотя бы тысячу рабов.

– Я приведу всех, кого найду, – ответил Ородук, стараясь не пообещать лишнего.

Карл-книжник тем временем пробрался к пещере, где жил его сородич-оружейник, которого так хотел заполучить Хмурый Бруз. «Королю легко говорить. Не ему лоб разбивать», – ворчал про себя карл. У пещеры расположилась лагерем осадная группа. Духи огня во главе с Хвертом ждали возвращения карла. Дюжина скованных цепями саламандр валялась у входа.

Воин Хверт разглядывал пленных, размышляя, у которого из них мозги вкуснее. Впрочем, отведать вкуснятинки Хверт не рассчитывал. В устье пещеры, среди ошметков прежних пленников саламандр, лежали и два павших воина из дружины Бруза. Ловушки карла-затворника били сильно. От саламандр оставались лишь куски шкур, даже воинов разорвало надвое, когда они полезли выламывать дверь. Затворник знал, от кого ему рано или поздно придется защищаться, и хорошо подготовился за отведенное ему время. Тысячу лет выдумывал он ловушки и преграды и пустил в ход все свое хитроумие. И Бруз хотел, чтобы тысячу лет трудолюбивого страха сломали за пару недель несколько саламандр и карл-книжник? Хверт не верил, что пещера падет в обозримом будущем.

– О храбрый Хверт, могучий Хверт, славный Хверт, одна из самых правых рук Хмурого Бруза... – завел слащавые речи карл, показавшись в лагере.

– Сам пойдешь или тебя подкинуть? – холодно спросил Хверт. Очутиться в роли одной из самых правых рук – будто у Бруза их по шесть с каждой стороны, и каждая сторона правая, как у какого-нибудь второразрядного демона, – ему не понравилось. Да и прозябать у пещеры в безделье, вдали от котелков с кипящим саламандровым жирком и гладиаторских схваток, ему порядком надоело.

– Хмурый Бруз шлет тебе со мной пламенный привет и надеется, что служба сторожа не тяготит твое яростное сердце, желающее напиться кровью...

– Так значит, подкинуть, – пробурчал Хверт неразборчиво, поскольку в этот момент с лентой зевнул, едва не выломав у железного шлема, в который был одет, подбородочную пластину.

Зевнув, дух огня привстал на локте в направлении «пламенного привет».

– Нет-нет! – Карл отлично разобрал слова Хверта. – Я уже! Я иду!

– Отцепить тебе парочку зеленых? – кивнул Хверт в сторону пленников.

– Моя благодарность не будет знать края и конца, – согласился карл.

Хверт поднялся, подошел к саламандрам, разбудил пинком двух крайних, и, когда они зашевелились, он голой рукой сорвал с их ног железные кольца, через которые шла цепь.

– Вперед! – Хверт за шкуру поднял саламандр и подтолкнул к пещере.

– Вот так, далеко от меня не уходите. – Карл притулился поближе к саламандрам в надежде спрятаться за их телами от ловушек, если какая-нибудь неожиданно сработает.

– Вернетесь без карла, бошки раздавлю, – предупредил Хверт пленников, не уточнив, какого именно карла ему хочется видеть: книжника или затворника.

Карл медленно побрел в смертоносную пещеру, легонько толкая перед собой самоходный живой щит из двух саламандр.

– На чем бишь мы остановились? – пробормотал карл, зайдя внутрь, но из осторожности не заглобляясь.

Он пристально изучил устройство сработавших ловушек: ничего не понятно. Даже не видно, заклятие поразило передовой отряд или карл-затворник наалхимичил взрывсостав. Он бы узнал больше, если бы посмотрел поближе, ему даже пришло в голову попросить саламандр поднять его поближе к своду, чтобы посмотреть, как изнутри были устроены ловушки. То, что один карл собрал, другой завсегда поломать сумеет. Увы, приступ разумной трусости, именуемый среди людей осторожностью, заставил его, как мерзкую крысу, прогнать прочь это любопытство. Крысу! Вспомнится же. Карл поежился. Сколько этих крыс, мышей, змей, ящериц и плотоядных жаб может копошиться в гнилых останках. Достаточно наступить одной на хвост, и она с визгом помчится по всей пещере, включая на их головы смертельные ловушки.

В глубине пещеры маячила неприступная, как все крепости Мидгарда, железная – в лучшем случае! – дверь. При более неудачном раскладе дверь затворник выплавил из диковинного нерушимого сплава, которому и имени еще нет. Ее круглая ручка – карлы никогда таких не делали – словно целилась во входящих миллионом адских заклинаний. Мягко ступая по полу, карл то и дело подвигал ногами ошметки первого отряда. На его счастье, никакой живности, кроме безобидных личинок жуков-трупоедов, в мясе еще не завелось. После нескольких минут, которые для карла длились так долго, что дюжины затмений успели промелькнуть на небе, он дошел до двери.

– Ничего не трогайте! – тихо, чтобы не спустить какую-нибудь шумочувствительную ловушку, прошипел он саламандрам. – Даже не дышите!

Саламандры покорно замерли, проигнорировав последний приказ. Они многозначительно переглядывались, замысливая в подходящий момент подхватить карла и сунуть головой в самую жуткую ловушку. Уж если погибать им у этой пещеры, то лучше оказаться не пожранными ненасытным Хвертом, а уйти с пользой, прихватив с собой королевского прихвостня: пусть духи Бруза поищут себе нового карла.

– Пришел книжный червячок, слюнки свесив на бочок! – загудел на всю пещеру гулкий голос хозяина пещеры. Карл-книжник вздрогнул и грохнулся на колени, ища глазами, откуда прольется на него вулканическая лава, вырвется огненной струей горящая сера, вылетит потрошительная карлова стрела или свалится череподробильный камень. Карл знал устройство множества ловушек, и все они, одна за другой, третья за четвертой (он так перепугался, что попутал даже числа), обрушивались в страшной фантазии на его ни в чем не повинную голову. Саламандры же, позабыв свой отчаянный план, со всех ног бросились к выходу. Убедившись, что все адские изобретения соплеменника-затворника убивали его только в воображении, карл привстал с земли.

– Перед дверкой не садись, а присел – так подотришь! – задорно посоветовал тот же голос.

В этот раз карл нашел вывод звуковой трубы. Хоть звук и отражался многократным эхом от сводов пещеры, так что источник был непонятен, конструкцию звуковых труб карл знал лучше, чем устройство ловушек. Он поднялся и скривил лицо. Затворник видел, что он присел, значит, он может не только слышать его (невелика задача), но и видеть. Это было намного хуже. Если затворник видит пещеру, он может спускать ловушки вручную, отчего обезвреживать их будет ох как нелегко.

– Послушай меня, брат. Лучше открывай. Ты нужен им. Хмурый Бруз, наш хозяин, вернулся. Теперь будет как раньше. Мы будем работать на богатый двор, а не ютиться по пещерам и норам, борясь за кусок тухлого мяса с саламандрами. Он готов принять тебя. Ты нужен ему. Он вернет тебе весь почет, который мы потеряли за их отсутствие, – книжник пустился на уговоры.

– Они забрали у нас все: наши имена, наши души, нашу память. Оставили только наши знания, потому что знания – это все, что им было нужно, – ответил затворник.

– Они вернут это нам! – пообещал карл. – Мы можем договориться. Я пользуюсь влиянием на Бруза, – сильно приукрасил свое положение книжник.

– Я был рабом, но я долго жил свободно, чтобы вернуться к рабству, – не согласился затворник. – Ты, как я слышу, хороший раб, тебе будет хорошо у духов огня.

– Ты живешь свободно в стенах норы. Нос наружу не высовывая. Как свобода хороша! – подметил книжник.

– Хороша не хороша, а обратно – ни шиша! У меня на всех хватит, и на себя в том числе. Думаешь, я не готовился к этому? Заходи по одному – всем могилку подберу.

– Вот дурень! Думаешь, когда они войдут, они с тобой так мило, как я, будут разговаривать?

Вместо ответа струя пара вырвалась из пола и врезалась в свод пещеры. Вода, нагретая на вулканическом жаре в столь горячий пар, что он мог расплавить даже свинцовые трубы. И этот пар, уплотненный в четырех титановых контурах сжатия до невозможных даже в жерле вулкана степеней, вышел на свободу. Если бы струя попала прямо в книжника, то разорвала бы его на мелкие ошметки, но его окатило только отраженным паром. Ошпаренный карл бросился от двери к выходу. Это был лишь один из способов, каким пар мог прогонять незваных гостей. В самом непримиримом случае цистерна целиком выпускалась в пещеру через потайные узкие сопла, которые превращали пароводяную смесь в режущее лезвие. Сотни струй из замаскированных под поры вулканического камня отверстий могли изрубить и сварить в бульон целый отряд вместе с доспехами, прежде чем кто-либо из нападавших успевал понять, откуда исходит угроза.

– На сегодня хватит, – пробормотал карл Хверту, как только выбрался из пещеры, и белый от страха упал в обморок. Хверт легонько попинал бесчувственного карла, заковал обратно в цепи двух спасшихся от предупредительного парового выстрела саламандр и вернулся к бдительному безделью сторожа.

Не все саламандры были пленены. Многие смогли бежать, многие жили так далеко, что до них известия о возвращении Хмурого Бруза еще не добрались. Но перед дурными новостями всегда ползет зловещий дух предзнаменований. Это ощущение грядущих событий, предчувствие катастрофы как лесной пожар охватило все племена саламандр, и, подчиняясь животному страху перед надвигающейся бурей, они стекались в стан своего короля. Короля саламандр звали Шисифур, он пришел к власти в давние времена, а власть над племенами саламандр эфемерна и расплывчата, она не вызывает споров и ожесточенной борьбы. Шисифур незаметно для себя и своих не обремененных обязанностями подданных царствовал всю жизнь, покуда не сделался стар и слаб. Никто не оспаривал его титул, потому что правление его было тихим и незаметным, а времена спокойными и тучными. Не требует большого ума, прозорливости и изворотливости править мудро в спокойное время, но время изменилось, Муспелльгейм содрогнулся от тяжелой поступи каменной дружины, а старый король остался на троне и не становился моложе.

Шисифур сидел у своего царского камня, прислонившись к нему согнутой спиной. Камень служил ему и ложем, и столом, и стулом, к которому под страхом изгнания никто,

кроме него, не мог прикасаться. Сакральность королевского камня была одним из немногих ограничений, которые накладывались на простых саламандр.

– Вы нашли человека? – проговорил Шисифур, глядя полуслепыми глазами мимо советников, которые пришли к нему с донесением. Донесение отличалось от прежних, в которых содержались только названия племен и имена князей, которые приводили свои испуганные народы в королевский стан.

– Это так, мудрый король, – отвечал советник, делавший доклад.

– Вы схватили его? – спросил король, задумавшись.

Он начинал осознавать свою ограниченность. Не ограниченность своей власти, ведь ее осознает каждый самодержец, если он не окончательно безумен. К Шисифуру на ум пришло осознание ограниченности своей способности властвовать – это чувство дано не всем правителям, и если посещает их, то когда уже слишком поздно. Так произошло и с Шисифуром. Он с трудом понимал, что происходит, такого никогда не было раньше. Сотни затмений провел он у своего камня, никем не тревожимый. Но что делать теперь? Какие вопросы надо задавать советникам, чтобы хоть немного разобраться в происходящем? Человек? Духи горы из старых сказаний? Карлы?

– Нет, – ответил один советник. – Не схватили.

– Да, – отвечал другой. – Мы привели его.

– Не совсем, – уточнил, окончательно запутав короля, третий советник.

Когда в давнишние времена король подбирал себе советников, он дал им наказания: одному – соглашаться со всем, другому – все отрицать, третьему – держаться середины. Конечно, этот приказ не имел абсолютной силы, иначе советники не смогли бы договориться даже по такому простому вопросу, светят ли на небе светила и наступило ли затмение, но в случае спорных вопросов они должны были говорить в соответствии с наказом.

– Он находится здесь? – спросил Шисифур.

– Да, – согласились все трое.

– Так вы его захватили?

– Не совсем, – ответил третий советник. – Он сам пошел с нами.

– Вы можете его привести?

– Да, – дружное согласие всех трех.

– Приведите прежде него Ристиауса, – приказал король. У него родилась мысль, истинность которой ему хотелось проверить.

Скоро все было исполнено. Принц сел на колени на место позади ложа, на котором теперь возлежал Шисифур. Советники присели у изголовья короля так близко, чтобы неслышно подсказывать и разъяснять, но и не вплотную, чтобы ненароком не коснуться сакрального камня. Перед камнем расстелили ковром шкуры животных.

Стражники привели пред очи короля человека.

– Стой на шкурах. Близко не подходи. Сойдешь – умрешь, – предупредили они гостя, чтобы тот не нарушал принятый порядок общения.

Мелкие куски вулканической пемзы хрустели под его сапогами. Острые камни застревали в толстой подошве и рвали заботливо расстеленные шкуры.

«Где взять новые? – подумал король. – Животные, из которых они получались, разбежались, а охотники больше не ходят на охоту». Это были его обычные заботы: шкуры, охота, затмения... Человек же, не обратив внимания на урон, который он без умысла нанес королевским шкурам, остановился посередине расстеленного покрывала.

– Отвечай мне, Ристиаус, – не отрывая глаз от человека, обратился король к принцу, – это один из тех, кого ты встретил раньше? Это один из тех, кто принес фримир?

– Нет, – ответил Ристиаус.

– Ш-ш-ш-ш-ш, – выдохнул король. Связь явлений, которую он, как ему казалось, установил, порвалась, но король так просто не сдавался. – Это точно не он? – спросил он вторично.

– Нет, это точно не он, – подтвердил Ристиаус. Перед ними стоял не Ремли и точно не сэр Кормак.

– Ты уверен? – вновь спросил король, не в силах отпустить заманчивую догадку, что этот человек обязательно должен быть одним из тех двух, что раньше повстречались Ристиаусу. Не ходят же люди по Муспелльсгейму толпами?!

Ристиаус засомневался. Издалека гость мог бы сойти за сэра Кормака, роста они примерно одинакового, но сэр Кормак был крупнее в плечах и одет по-другому. Ристиаус поднялся и подошел к человеку. Он втянул носом запах.

– Совершенно уверен, – подтвердил принц, изучив запахи. – Он пахнет по-новому, не как человек. Людская одежда, которая была на прежних, похожа на нашу: кожи, железо. Покров нового человека не из полотна, какие носят люди, не из кож, он словно выткан из черной крови земли, которую спряли в тончайшие нити. Его железо не то, что людское. Оно новое, даже у карлов и духов огня я не встречал такого. Он выглядит как человек, но он пришел не из мира людей.

– Ты человек? – спросил да-советник, когда король, выслушав Ристиауса, замолк в затянувшейся задумчивости.

– Да, – ответил пришелец.

Шисифур оживился. Отличный вопрос. Как он сам не догадался.

– Вы подтверждаете? – спросил король у советников.

– Да. Нет. Он может быть человеком, – одновременно ответили три королевских советника.

– Почему да? – уточнил Шисифур.

– Он похож на человека больше, чем на любое другое известное существо, – ответил да-советник.

(«Хорошо, что это племя не слыхало про доппельгангеров, – подумал человек. – Тогда знакомство могло бы затянуться».)

– Почему нет? – продолжил спрашивать советников Шисифур.

– Принц Ристиаус видел людей недавно, и, поскольку он говорит, что пришелец не похож на человека, я соглашаюсь с ним, – объяснил свой ответ нет-советник.

– Твой ответ мне понятен без объяснения, – остановил король советника может-быть.

– Откуда тебе известен наш язык? – спросил Шисифур.

– Я полиглот, – усмехнулся человек; при виде оскала его зубов стражи крепче стиснули ножи. Улыбка как выражение доброго расположения была саламандрам неизвестна, а оскал как угроза – знакома. Откуда им знать, что люди почти не используют свои устрашающие челюсти как оружие?

– Это его имя, – шепнул королю нет-советник. Слова «полиглот» саламандры не знали и не имели в нем потребности, так как все в Муспелльсгейме говорили на едином языке.

– Кто ты, Полиглот, и зачем ты здесь? – спросил Шисифур. Этот вопрос он бы задал неизвестному саламандру, которого привели бы к нему. Наверное, этот же вопрос сгодится и для человека.

– Я не полиглот, – удивился человек.

– Но ты только что сказал, – напомнил да-советник.

– Я имел в виду...

– Лучше вернись к вопросу, который задал наш король, – остановил пришельца советник может-быть.

– Я – охотник. Я пришел убить ваших врагов.

– Кто наши враги? – спросил Шисифур, дав знак советникам молчать.

- Духи огня.
- Он знает! – удивились, внезапно согласившись, советники, но король снова изобразил им жест молчания.
- Они пока не враги нам. Раньше мы жили бок о бок. Почему нам считать их врагами?
- Потому что они угнали в рабство всех саламандр, каких смогли найти, а остальных обратили в бегство, – ответил человек.
- Справедливо, – согласился король.
- Они могут стать нашими врагами, – выразил общие опасения да-советник.
- Но как ты убьешь их? – спросил Шисифур.
- Не знаю.
- Почему ты думаешь, что убьешь их?
- Я всегда убиваю тех, за кем прихожу.
- Тебе известно, что духов огня нельзя убить в мире огня? Они бессмертны, в отличие от саламандр и людей.
- Нет, это мне неизвестно. Вы дали мне ценные сведения. – Человек кивком головы выразил благодарность. – Мне будет нелегко, если это так. Впрочем, я убивал и бессмертных, – лениво пожал плечами человек.
- Что привело тебя к нам?
- Судьба.
- Давно я не слышал этого слова. Оставьте меня, – попросил Шисифур после долгого молчания. Слишком много ответов. Слишком много знания. Нужно отдохнуть.
- Человек покинул шкуры, с которых следовало общаться с королем. За ним последовали стражи, за ними принц Ристиаус, за ним три советника.
- Пришелец присел у костра. Стражники, приставленные к нему, осторожно встали поодаль, следя, но не приближаясь без необходимости. История Ристиауса дошла и до их ушей. Вывод из приключений Ристиауса был прост: люди, как и духи огня, опасны и малым числом. Принц сел у костра напротив пришельца.
- Может, ты и человек, Полиглот, – начал саламандр.
- Не спорю, – согласился пришелец.
- Откуда ты пришел?
- Я охотился во многих местах. Ты был прав про одежду, эти ткани сделаны из черной крови земли. Мы называем ее нефтью.
- Кровь земли ни на что не пригодна, – ответил саламандр, показав, что вещество ему знакомо.
- Теперь ты видишь сам, что пригодна. Нужно уметь обрабатывать.
- Люди сильны на выдумки, не так, как карлы, но лучше нас и духов огня. Поэтому духи огня используют карлов, – вздохнул Ристиаус. – Даже людским выдумкам не одолеть карловы.
- Кто эти карлы? – спросил человек.
- Низкорослый народ выдумщиков, – ответил Ристиаус. – Сейчас их мало осталось. Я знаю одного, живет в пещере. Иногда с ним можно поговорить.
- Я бы воспользовался такой возможностью, – сказал на это человек. Саламандры, должно быть, неплохие бойцы. Если собрать их в правильном порядке, немного муштры и оружия сделают из них войско, но мастеровые из них никудышные. Это ясно по их лагерю. Хорошо бы заручиться поддержкой кого-то более искусного в ремеслах и обработке металлов.
- Я видел двух других людей совсем недавно. Они пришли с тобой, Полиглот? – спросил Ристиаус.
- Кто еще мог добраться до этого гиблого места? – удивился человек.
- Одного звали Кормак. Он ходил в кованом железе. Ты его знаешь?

«Рыцарь», – догадался пришелец, но отрицательно, как это принято у саламандр, крутанул рукой. Он уже подметил, что шея у саламандр была не так подвижна, как у людей, кивки им были недоступны, а мимика, в силу анатомического строения морд, была практически невозможна. Вся паралингвистика саламандр сосредоточилась в жестах рук и, может быть, в каких-то особенных тонах шипящих звуков, которые пришелец пока не различал. Праязык Муспелльсгейма не требовал освоения, но к жестам нового племени он внимательно приглядывался и кое-какие уже выучил.

– Другого звали Ремли, – продолжил принц.

– Ремли? – Пришелец оторвал глаза от огня и внимательно посмотрел на Ристиауса. – Расскажи мне о нем.

Когда-то раньше он слышал имя Ремли, но имен было так много. Они были раскиданы по землям тысяч народов, терялись в названиях городов и стран, которые охотник посетил за жизнь, длившуюся сотни человеческих сроков и не думавшую кончаться. Имена, места, приятные, неприятные, опасные и не очень – их было как звезд на небе. Память о далеком прошлом утекала под напором новых впечатлений. Чтобы вспомнить, нужно вытянуть из Ристиауса подробности.

Принц рассказал о встрече с Ремли, умолчав кое о чем, что могло выставить его, Ристиауса, в невыгодном свете.

– Я смотрю, ты, Ристиаус, лучше других в своем племени знаком с людьми, – ответил на этот рассказ Полиглот.

– По воле судьбы, – ответил Ристиаус.

– Хочешь узнать еще?

– Что ты хочешь мне показать?

– Наше приветствие.

– Я слушаю.

Полиглот встал, снял перчатку и протянул вперед руку:

– Вытяни руку так же, как я. Это называется рукопожатие.

Они с Ристиаусом совершили ритуал.

– Вы хладнокровные? – удивился Полиглот. Ему никогда, хоть он и не преувеличивал масштабы своих странствий, не доводилось пожимать лапу разумного хладнокровного существа. Словно жмешь руку покойника.

– Ты сам видишь, что да, – ответил Ристиаус.

– Отведи меня туда, где меня подобрали. Есть дело. Духи огня сами не сдохнут.

– Я должен спросить короля, – неуверенно ответил принц.

– Чтобы бедный старик слышал от своих советников: «Отведи. Не води. Кинем жребий»? Не смей меня, приятель. Время дорого. Надо послать весточку этому Ремли. Если он тот, кто я думаю, против духов огня он нам пригодится. А потом заглянем в пещеру к тому карлу.

– Но Шисифур не отпускал тебя, – упорствовал принц.

– Но он и не запрещал мне уходить. Ты же принц. Ты можешь идти куда хочешь и с кем хочешь. Я заметил, что вы пользуетесь тут свободой. Так зачем ты сам выдумываешь себе запреты там, где их не было?

– Я не выдумываю, – отрицательно дернув лапой, ответил Ристиаус. Пришелец прав: принц он или нет? У него есть такие же стражники, как и у короля. И они охотники получше этих, разжиревших на всем готовом.

Они поднялись, и Ристиаус повел человека.

– Куда вы? – спросили стражники.

– А вы куда? – спросил человек.

– Он не должен уходить, – отрицательно махнули стражники.

– Что вам приказал король? – спросил Ристиаус.

– Следить за человеком.

– Вот и следите, раз так. Нарушать приказ я вас не вынуждаю. А он пойдет со мной, куда я решу, – ответил на это Ристиаус.

Шисифур и впрямь был неточен в приказаниях. Король и не подумал, что пленник вдруг решит уйти. Саламандры такого себе не позволяли, поэтому и стеречь их не приходилось. Для них это означало отправиться в изгнание, и совсем не обязательно, что ушедшего пленника приняли бы обратно, но для человека это не имело значения.

«Какой умница, – подумал человек про Ристиауса, – схватывает на лету».

Глава 2. Отряд собирается

Пока мир огня, как готовый к извержению вулкан, гудел и трясся в тревожном ожидании перемен, Мидгард никуда не спешил. Он мирно катился по накатанной колее, как тысячу лет до этого, и ничто, кроме мелких междоусобиц, не нарушало ход его мерного наката. Никто, кроме нескольких странников, не помнил судьбу шаха Андзора и его города. Никто, кроме парочки волшебников, не знал о Разгроме, разметавшем некогда могущественную империю доппельгангеров. Дела в Мидгарде шли своим чередом; вслед за ними, боясь отстать, но не слишком забегая вперед, шли по своим делам люди. С постоянством воды, набегающей на колесо водяной мельницы, брели эти смотрящие только перед собой люди. «Баал возвращается!» – это предостережение ничего не значило. Да и что этот слух мог значить в мире, где второе пришествие Спасителя объявляли чуть ли не на каждую Пасху? Кто не знал о Баале, тянули потертую лямку удела человеческого, кто знал кое-что, помалкивали и тоже тянули, и только тем, кто знал все, не сиделось на одном месте.

По дороге, ведущей в город, брела, поднимая сапогами пыль, обычная для этой части света компания: два старика, юноша и женщина с грудным младенцем. Перед настезь распахнутыми городскими воротами стоял стол, за которым дремал, временами поглядывая одним глазком на дорогу, стражник.

– Куда? – лениво спросил стражник у подошедших.

Его посадили следить за воротами, через которые никогда не проходило ничего интересного, потому что он был стар – такой же старик, как и двое пришедших, лишь одетый в рваный кожаный нагрудник, который спасовал бы и перед детским луком. Правда, рядом с ним, угрожающе смотря в небеса, стояло длинное копьё, но ржавый наконечник покоился на древке таком ветхом, будто оно только и искало подвода, чтобы сломаться.

– Лишь бедные путники, стопы прочь утвердившие от хладного лика войны приближающейся, – ответил за всю компанию юноша. – Ищем приют, а также пророка последних времен, в народе известного тем, что сердца, омытые кровью печалей, может он словом утешить. Его называют Рыцарь Креста, и на пути говорят, он следовал этой дорогой.

– Приют у нас есть, – с интересом оглядел гостей стражник. Выглядели они не так потрепанно, как обычные бродяги, да и речь юноша вел не по-простому, как обычно говорили бродяги, а говорил на университетский манер, «обученно». Все же по привычке стражник спросил: – Деньги-то есть у вас? Заезжих бродяг не держим, на своих виселиц не хватает.

– Найдутся, – ответил юноша, звякнул кошельком и бросил на стол перед стражником мелкую монету. Чеканка аверса до того стерлась, что определить на глаз, монетный двор какого канувшего в Лету короля почтил своим штампом эту старую монету, было невозможно, но металл звенел серебром.

– Товара у вас с собой, как я гляжу, нету, – исполнившись посеребренного расположения к путникам, заметил стражник. Юноша отрицательно покачал головой. Товара у них и взаправду не было. – Тот пророк, кого вы ищете, он приходил. Я его послал в таверну «Три петуха», но вы туда не ходите, там сидят рыцари.

– Что же с того? – спросил один из старцев, тот, что выглядел моложаво и смотрел с бодростью, какой не было у второго старика. – Что, рыцари теперь не люди, а нечисть какая?!

– Рыцари же. Пьют. Рассказывают байки. Снова пьют. Силой меряются. Снова пьют. Оружие правят. И – пьют. Но это я уже говорил. – Стражник скривился в улыбке. – Недалеко до беды.

– Мы учтем это, добрый привратник! – Юноша слегка склонил голову в знак признания.

– Как ваши имена? – спросил стражник.

– Я – Ремли, рядом мой дед – Мельхиор, с ним старшой брат его – Уитби, с ними Лионора – племянница общая, дочь почившего третьего брата, с нею в колыбели всего-то из двух женских рук осиротевший племянник Ричард, – представил всех Ремли. Эту семейку на ходу придумал Уитби, и придумал хорошо – семейство не вызывало вопросов.

– Иными словами, малой Ричард доводится тебе троюродным братом, – заключил стражник.

– Разум твой ясен, хоть ты в седирах. Истинно так! – воскликнул Ремли.

– Можете проходить. В «Три петуха» не суйтесь! Там морды такие – с ними доиграетесь! – повторил предостережение стражник. – Идите в «Кильку». С утра, если не проспите, увидите с окна, как рыцари собираются! На большее не рассчитывайте, если шкура дорога. Убить насмерть, может, и не убьют, а шкуру уж верно попортят! – уже вслед уходящим продолжал кричать стражник.

Они вошли в город и, следуя главной дорогой, нашли рыночную площадь, а рядом с ней и трактиры, о которых говорил стражник. Трактир, который стражник назвал «Килькой», на деле назывался «КильКаБанКаМыш» и был примечателен тем, что мог называться двояко: и как «Киль-Кабан-Камыш», и как «Килька-Банка-Мыш», в зависимости от вкуса постояльца, но местные жители ради сбережения времени сократили изобретательность автора до «Кильки». Напротив стояли и «Петухи».

– Это здесь, – указал на железную вывеску Уитби. На вывеске был котел, из которого выглядывали головы трех петухов. Птиц изобразили с разинутыми клювами и высунутыми языками. Горланили они песни или орали в агонии, потому что варились заживо, зависело от фантазии наблюдателя. Первая трактовка жителям и гостям города нравилась больше, а что хотел сказать автор этой вывески длинными высунутыми языками, достоверно уж не помнил никто, потому что умер он лет сто назад.

– Мы пойдем в «Кильку», – сказал Уитби, подталкивая перед собой Лионору, – а вы лучше без нас с рыцарством покумекайте. Если нужен буду, пошлите за мной. Я ж при рыцарях сызмальства. Но лучше не зовите. С дороги ноги гудят. Отдохнуть бы.

Ремли кивнул, и Уитби, взяв под руку женщину с ребенком, повел их в трактир, а Мельхиор с Ремли остались стоять перед «Петухами».

Они осмотрелись. Хромой нищий спал над дырявой шляпой, прислонившись к костылям, но не забывал поглядывать вокруг одним неспящим глазом, чтобы деньги случайно не покинули шляпу. Чей-то оруженосец возился с господской лошадью. Два студента разглядывали леса строящегося собора, бойко обсуждая на латыни его будущие архитектурные недостатки. Мельхиор прибегнул к заклинанию истинного видения.

– Спокойно? – спросил Ремли, заметив, как Мельхиор прочитал заклинание.

– Да, – кивнул волшебник. – Это оруженосец нашего рыцаря-пророка, – указал он на юношу, который чистил лошадь перед конюшней. – Ничего странного не замечаешь?

Ремли посмотрел сначала на оруженосца, потом – вопросительно – на Мельхиора. Что он должен увидеть в том, как оруженосец холит лошадь?

– Девица, – пояснил волшебник.

– Он не похож. – Ремли внимательнее пригляделся к оруженосцу. – А впрочем, ты прав. Путь грубость лицо обретает в походах, от работы тяжелой и тонкостанная дева, как мужчина, окрепнет, но жестов пригожих природную нежность не скрыть мужским платьем и в доспехи не спрятать.

– Интересный вкус для пророка. – Мельхиор смерил деву-оруженосца мужским взглядом. – Зайдем?

– Мы здесь за этим.

Мельхиор распахнул дверь, и Ремли первым шагнул в пивные пары «Трех петухов». Стражник, который снабдил их столь настойчивыми советами не соваться сюда, должно быть,

сильно перепугался, когда перед ним заявили грубияны рыцари, и передавал свой страх в виде предупреждений всем путникам. Внутри было спокойно и мирно.

– Кто из них сэра Калибурн, именуемый пророком? – спросил Ремли, когда Мельхиор зашел следом, затворил за собой дверь и огляделся.

– Сэр Калибурн – рыцарь с белым платком на шее, – шепнул Мельхиор. Если Ремли так нужен этот рыцарь, пусть сам с ним разговаривает. Мельхиор привык ходить один.

Сэр Калибурн сидел на низкой бочке, перед ним на столе стояла нетронутая деревянная кружка пива. Руки рыцаря были скрещены на груди. Рядом с ним прямо на полу сидели четыре других рыцаря. Судя по подобострастным лицам рыцарей и одухотворенному лику сэра Калибурна, последний готовился пророчествовать.

– В незаметность сокроемся. – Ремли взял Мельхиора за руку и увел в дальний угол. – Прежде послушаю я речи его, чтоб убедиться, что есть он тот самый.

Рыцарь говорил тихо, но слух Ремли при должном напряжении различал шаги пауков по покрывалу из бархата, взмахи крыл ночных мотыльков и дрожание стоячей воды от ног водомеров, поэтому было безразлично, сел бы он рядом или в дальнем углу: он бы услышал все, что хотел. Рыцарь действительно начал пророчествовать:

– О конце света говорили многие святые мужи. Начиная с Иоанна Богослова, которому первому было явлено откровение о конце времен и которому люди верили, что конец близко. И мы должны верить. Во времена апостолов говорили, что Нерон – это Антихрист. Кто имеет ум, тот сочтет число зверя, ибо число это есть человеческое, число его – шестьсот шестьдесят шесть. И мудрые люди сочли число зверя, и в буквенной записи число это было именем Нерона Кесаря, но ошибались те мужи. И были многие, кто говорил вслед за ними. Иоахим Флорский говорил, что при нем снята шестая печать, что «зверь явленный», о котором говорит Книга, – это султан Саладин, так он думал, высчитывая семерых царей из Апокалипсиса, пять из которых, как сказано, пали, шестой есть, а седьмой еще не пришел. Монах Дрютмар, бенедиктинец, исчислял конец света двадцать четвертым марта тысячного года, ибо сказано в Откровении: «Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет». И папа Сильвестр Второй говорил, что это случится в тысячном году. И до них многие исчисляли конец света. Бернар считал, что это случится в девятьсот девяносто втором году, когда Благовещение придет на Святую пятницу. И монах Рауль Глабер говорил о том же. Но, как сказано в Писании, «не ваше дело знать времена или сроки». Никому эти сроки не ведомы, и лжет тот, кто говорит иначе. Верно лишь то, что мы живем в последние годы, и я свидетельствую об этом. Конец близок, хотя точный день его никому не счесть.

Каков из тебя свидетель, спросите вы – и будете правы, – продолжал рыцарь. – Видел ли ты зверя? Нет, друзья, не видел, иначе не сидеть мне перед вами. Видел ли ты ангелов с трубами? Нет, не видел, и трубный глас я не слышал, иначе не рассказать мне об этом. Не видел я ни агнца, ни дракона, ни всадников, имена коим Война, Голод, Смерть и Чума. Что же ты видел, спросите вы. О чем говоришь ты, когда ничего ты не видел? На это отвечу, что видел я самого Абаддона во главе воинства. Отвечу, что своими глазами видел я бездну, колодезь, откуда они выходили, демоны ада. Но и того знаменья мне достаточно, чтобы понять: мир недолго продлится. Я видел, как отворялся кладезь бездны, и вышел, как сказано в Откровении, дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя, из которого вышли ангелы, чтобы погубить треть людей. Были они на конях, конях в бронях серных, бронях огненных, бронях гиацинтовых.

– Да, это наш рыцарь, – шепнул Ремли Мельхиору. – Он за ангелов принял дружину Хмурого Бруза. Он не знаком с королем Муспелльсгейма, вот и принял его за какого-то Абаддона. Кто это, кстати? – спросил Ремли, но тут же, не дав Мельхиору и рта раскрыть, вскочил: – Я пойду говорить с ним!

– С Абаддоном? – пошутил Мельхиор.

– С ним позже, а сейчас – с Калибурном.

Волшебник только пожал плечами, а Ремли вышел из их укрытия и приблизился к рыцарскому собранию.

– Мое почтение, сэра Калибурн, слывающий среди равных пророком последних времен, – с такими словами Ремли обратился к рыцарям, которые затаив дыхание слушали рассказ сэра Калибурна.

– Мне не нужен оруженосец, – произнес сэра Калибурн, обрадованный тем, что его наконец перебили. Он еще не имел должного запаса речей и, рассказав немного, нуждался в передышке, чтобы собраться с мыслями. Нежданная слава пророка, которая катилась за ним по всем дорогам, тяготила доброго рыцаря. Но радоваться гостю сэра Калибурн не спешил, потому что, судя по первым словам Ремли, его он заинтересовал тоже как проповедник последних времен. – Иди своей дорогой, юноша.

– Я пришел не за тем... – начал Ремли.

– Пшел вон, щенок! – поднялся один из рыцарей. Не дело святому Калибурну гнать в шею назойливого бродягу, пусть сэра Калибурн проявит смирение, другое дело – он, простой воин.

– Пока тебе уши не обрезали, – добавил другой рыцарь.

«Опять начинается, – подумал Мельхиор, – теперь до вечера будет изливаться рыбьим жиром своей велеречивости: кто из них свинья, кто собака, а кто свинобака – их общий сын. Столько пустых слов, чтобы потом в два щелбана всех уложить». Волшебник устало потер грязным рукавом слезящиеся глаза, отчего они принялись слезиться еще сильнее, и глубже присел в уголок внимать изящной словесности Ремли, величайшего волшебника под небом.

– Хочешь заклад, что скулить по-щенячьи, ливнем мочи под себя проливаясь, будешь в чертогах сих ты до восхода луны, а не я? – ответил рыцарю Ремли, оправдав худшие ожидания Мельхиора. – Речь с извинений начни иль затвори кудахтало вовсе и сядь, где сидел!

Поднявшийся рыцарь замер в нерешительности. От такой отповеди он опешил, и, будь он старше, сердце его не выдержало бы столь жестокого оскорбления. Рыцарь держал в руках плетку, которой хотел лишь по-отечески прогнать Ремли до двери. Ему бы взяться за меч, но рыцарь обрушился на Ремли с тем, что было в руке.

Хвосты плети намотались на предплечье Ремли. Он перехватил хвосты ладонью и без труда вырвал плетку из рук рыцаря, а рыцарь, не ждавший такого сильного рывка от неокрепшего юноши, повалился на одно колено. Второй рыцарь, грозивший Ремли отрезанием ушей, поднялся:

– Я тебя искрошу! – Угроза была слишком краткой и простой, чтобы потешить привыкшего к галантным речам Ремли, и он поморщился, каковое выражение лица рыцари ошибочно приняли за страх.

– О ты, мерзкий выродок, на свет рожденный в поганой канаве! – выплеснулся руганью Ремли. – Это все, что есть мне в угрозу сказать у тебя, щучья морда, прежде чем я покажу Кухулина вам, двум наглецам косорылым?

Рыцарь, оставшийся без плети, кинулся к своему мечу, который валялся под столом в ножнах. Ремли махнул плетью, держа ее, как схватил, за хвосты, и тяжелая рукоять ударила рыцаря по затылку. Он сполз под стол и до рассвета уж не поднялся.

У второго рыцаря меч был на поясе, он схватился за него, но Ремли перехватил плетку, и хвосты захлестнулись вокруг головы рыцаря. Потом бедняга был готов поклясться, что хвосты не просто хлестнули его, а схватили его за горло, как руки сказочного голема, что они, словно были живыми, душили его, давили на глаза, зажали ему рот и нос, поэтому он упал, не в силах вытащить меч, но в «Трех петухах» было темно; свидетели драки видели лишь то, что после удара рыцарь упал, запутавшись головой в кожаных хвостах плетки своего товарища.

Два других рыцаря остались сидеть подле сэра Калибурна. Ничто не доставило бы им большей радости, чем выпотрошить Ремли, как оленя, но они дали обет не проливать крови

без разрешения сэра Калибурна, а тот продолжал сидеть и следил за дракой в просветленном молчании.

Вдруг на голову Ремли обрушилось сзади нечто настолько тяжелое, что он от неожиданности охнул.

– О камни Стоунхенджа! – возопил он после удара. – За что же вы валитесь на меня посреди бела дня?!

– Отойди, – проговорил сэр Калибурн, обращаясь к кому-то за спиной Ремли.

Мельхиор вышел из своего темного угла и подошел к Ремли.

– Звенит? – с неуловимой улыбкой на губах поинтересовался он у оглушенного товарища.

– Звенит и сверкает в очах аки россыпи звездного неба, – подтвердил Ремли. – Кто меня... – начал он и, обернувшись, уставился на оруженосца сэра Калибурна. Тот (или та) держал в руках железный щит своего хозяина, которым за мгновение до этого огрел Ремли по голове. – Ты! – Ремли погрозил пальцем оруженосцу. – Не будь ты...

– Сэр Калибурн, – резко переменял тему Мельхиор и, повернув Ремли к рыцарю, обратился к проповеднику последних времен: – Мы пришли говорить с вами о деле, сэр Калибурн, а не слушать о конце света. Уделите нам время, и я ручаюсь, что пользы от этого будет больше, чем от повторения старых слов.

– Что ж, присаживайтесь, – пригласил рыцарь. – Сегодня я не прочь сменить слушателей на рассказчиков.

– Остерегайтесь их, господин, – зашептал на ухо рыцарю оруженосец. Он говорил тихо, но Ремли и Мельхиор все равно его слышали. – Молодой – точно колдун. Я видел, как он заставил плетть плясать, словно послушных змей.

– Сколько тебе повторять, что я не боюсь колдунов, – ответил сэр Калибурн.

– Никому не выстоять после такого удара, – чуть не плача от бессилия донести всю серьезность опасности до рыцаря, захныкал оруженосец и в доказательство показал вмятину, которую оставила на щите непокрытая голова Ремли.

– Оставь нас, – попросил сэр Калибурн. – Лошади разобраны и прибраны? Мне проверить?

– Еще нет, господин, – подчинился оруженосец. – Так я пойду?

– Иди. И вы тоже нас оставьте, – попросил сэр Калибурн двух рыцарей, которые с неохотой удалились в дальний угол. – О чем вы хотели говорить со мной? – спросил он у Ремли и Мельхиора, когда они остались втроем, а переполох, вызванный в трактире их небольшой дракой, стих.

– О том, что узрел ты и о чем сам толкуешь, – ответил Ремли. – Было это в... где же... – запямятовал он. – Как это место? – спросил он у Мельхиора.

– Под Орхусом, в твердыне ордена паладинов, – подсказал волшебник.

– Да, это случилось под Орхусом, – повторил сэр Калибурн. – Там я видел бездну и ангелов, пришедших покарать людей. Там я узрел, что конец близок, и мое время донести это до тех, чьи уши открыты.

– Так открой свои уши прежде моим словам и внемли моей речи, ибо я расскажу, что по правде ты видел, – ответил на это Ремли. – Ты видел не бездну, а проход в Муспелльсгейм, мир огня. Не ангелов, а кровожадных духов огня в облачении твердокаменной плоти. Вышли они на нездешних конях. Ты видел не то, как они выходили, а как исчезали обратно, иначе, как сам говоришь, не сидеть тебе с нами. Только в одном, что они пришли истреблять и крушить, ты, очевидец случайный, прав до конца.

– Что же ты сам знаешь об этом? – не удивился сэр Калибурн. У всех с ним несогласных были свои речи и свои доводы. Он много выслушал их, но у него было неоспоримое преимущество очевидца. – Разве ты был там?

– В твердыню ордена я не ступал, но мой товарищ ее навещал до нашествия духов.

– Что же ты... вы, – поправился рыцарь, обращаясь теперь к обоим гостям, – можете знать об этом?

– Я даровал духам огня, которых ты видел уходящими в бездну, дружине могучей Хмурого Бруза, свободу из заточения древнего. Сделкой коварной меня обманул их король. Не было в Брузе желания честного с миром покинуть наш мир, возвратившись домой. На погибель роду людскому решил он вновь обретенную жизнь устремить. Нападает с дружиной, открывая проходы в наш мир.

– Абаддон – это не Абаддон, на самом деле это Хмурый Бруз, дух огня. Он вроде демона, большая шишка в мире огня, мире, который соседствует с нами. Теперь Бруз с нами в войне, – Мельхиор перевел на человеческий язык речь Ремли.

– Кто же слова твои подтвердит? – поинтересовался сэр Калибурн. Ремли был не первый, кто отказывался принимать ангелов за ангелов. Иные трактовали события проще, ссылаясь на мудрого Оккама. Но этот пришелец говорил не проще, а сложнее. Рыцарь решил разузнать, что известно Ремли, потому что он много знал про Орхус, хотя это еще ничего не значило. Сэр Калибурн не скрывал, что видел бездну в твердыне ордена паладинов, и эти сведения гости могли почерпнуть из рассказов самого сэра Калибурна.

– Не единожды Бруз к нам являлся. И кроме Орхуса были земли и замки, что каре подверглись. Есть другие свидетели. Один ходит с нами, – поведал Ремли.

– Кто таков ваш свидетель? – спросил сэр Калибурн. – Рыцарь не поверит словам простого бродяги, крестьянина или ремесленника.

– Это Уитби шотландский, – заочно представил их свидетеля Мельхиор. – Местоблюститель сэра Кормака, элдормена и тэна, знатного рыцаря, чей замок упомянутый нами Бруз также разрушил, не оставив в живых никого, как это случилось у паладинов, где ты сам все видел.

– Я много слышал про славного сэра Кормака. – Рыцарь впервые показал на лице признаки интереса. – Так ты говоришь, он был убит в собственном замке? – с печалью в голосе спросил он.

– Увы, сэр Калибурн, брат твой сэр Кормак погиб жестокою смертью, – подтвердил Мельхиор. – Вы знали его?

– А что сын его? Джон. Калека. Тоже убит? – спросил сэр Калибурн, не услышав вопроса.

– Среди живущих нет и его, – поведал Ремли о судьбе Джона Кормака. – Но не с родителем сын разделил грустную участь. Джон погиб раньше. Сэру Кормаку выпала скорбь пережить его.

– Я не знал старого сэра Кормака, но знал молодого сэра Джона Кормака, – ответил сэр Калибурн. – Мы вместе странствовали в земли палестинские. Потом я слышал, он геройствовал в Акре, потеряв ногу. Через него я слышал об отце. Уитби, со слов его, я тоже припоминаю. И он путешествует с вами?

– Мой спутник устроит вам встречу, если хочешь лично его расспросить. – Ремли поднялся. – Все ж оруженосец тебе, сэр Калибурн, пригодится. Славному воину, повелителю схваток, железных мечей господину негоже юницу держать при себе, коль речь не об отдыхе, а о подвигах ратных. Теперь я займу ее место.

– Ну, попробуй! – усмехнулся сэр Калибурн. – Мой оруженосец в конюшне, и, если он согласится, я не против. Я смотрю, вас не удивляет этот невинный маскарад с переодеванием?

– Есть много причин женщине выдавать себя за мужчину, – ответил Мельхиор. – Некоторые становились монахами, и, ходят слухи, из тех девиц выходили даже епископы.

– Да, это правда, – согласился сэр Калибурн. – Забавно, что бывали случаи, когда таких переодетых монахов впавшие в похоть, но отвергнутые женщины обвиняли в изнасиловании, и только перед судом те монахи открывали свое женское естество.

Ремли согласно кивнул и жестом показал Мельхиору продолжать разговор с рыцарем, пока он навестит оруженосца. Голова после удара щитом болела нещадно. Ремли положил

руки на голову, заклинанием унимая гудение. Он вышел на улицу и направился к конюшням. Пока с сэра Калибурна достаточно его внимания. Теперь рыцарь с Мельхиором поболтают о том о сем, вспомнят паладинов. Волшебник ответит рыцаря к Уитби. Рыцарь познакомится с бывшим управляющим, они поговорят о прошлом, о Джоне и о его последних днях. Джон, как по волшебству, станет не тем полудохлым пьяницей, каким он встретил смерть, а таким удальцом да красавцем, что хоть мощам поклоняйся. Потом они с Уитби обсудят спорные места из доказательства бытия Бога Ансельма Кентерберийского и сыграют в кости или даже в шахматы. Потом сэр Калибурн, не подавая виду, что расстроен проигрышем, покачает на руках внука сэра Кормака и забудет на вечер про конец света, и все будет по-семейному добро и весело: пиво и вино, еда из трактира, новые свечи, чистая скатерть. Тишь и спокойствие среди бури невзгод, мир и уют на пороге бесчисленных бедствий.

В отличие от людей, которые могли забыть хотя бы на вечер, Ремли никогда, ни на секунду, ни на миг – бодрствует он или спит, сидит или мчится, думает или расслаблен, – не забывает, что Баал приближается, что конец вправду близок; ближе, чем даже сэр Калибурн себе представляет, и никому, кроме Мерлина, Баала не остановить. Пока Мерлин жив – никому. Если он погибнет или подчинится овладевшей его силе, тогда останавливать придется кому-то другому, их шансы будут меньше, чем у Ремли, но их будет достаточно. Люди всегда справлялись, всегда каким-то чудом выживали и, как травинки в щелях мощной каменной дороги, пробивались к новому солнцу. Если не Ремли, то, может, Тед Карвер? Где он сейчас? Ремли не мог знать, что Тед уже в Муспелльсгейме и готовит племена саламандр отражать дружину духов огня, но чутьем он догадался, что охотник не останется в стороне.

В конюшне, куда в поисках оруженосца явился Ремли, пахло конюшной: лошадиным потом, навозом, сеном, овсом и, если совсем внимательно принюхаться, жиром, которым пахли в амуничнике смазанные от влаги уздечки и подпруги. Оруженосец Калибурна проверял крепления на седлах: все ли ремни и ремешки в порядке, не перехлестнулись ли неверным манером, когда седла снимали и раскладывали; все ли пряжки крепки, не разъела ли железо коварная ржа, не нужно ли что заменить, сбегать в кузницу или к шорнику.

– Твое лицо мне приглянулось знакомым. Где мы могли бы встретиться? – обратился Ремли к оруженосцу.

– Змея тебя знает, колдун, с чего ты меня узнаешь, – ответил, не поворачиваясь, оруженосец.

– И голос твой я слышал давно, но звучал он иначе. В чем же загадка? Где же память моя? Куда подевалась? Как тебя зовут?

– Ним. А тебя?

– Ремли.

– Ремли? Странное имя, будто сказочный Мерлин решил за ним скрыться, да не придумал ничего получше. – Оруженосец удивил Ремли меткой догадкой. Он первым отгадал нехитрую перестановку букв в имени Ремли и того, кто за ней скрывался.

– Может, и так, – не стал отпираться Ремли, – но откуда нам знать?

– Ты, верно, знаешь, – ответил Ним.

– Кто твои родители?

– Я вырос в приюте святой Ядвиги Силезской. Родителей нет.

– Где мы – где Силезия! – изумился Ремли.

– Сэр Калибурн странствовал во многих землях. Заглянул на пути из Орхуса.

– Как сэр Калибурн узнал тебя?

– Он спас наш приют от тевтонцев. Ты же слышал, как крестят тевтонцы? Даже прежде крещенного разденут, привяжут к колесу, познают да заново перекрестят. Я сам мог за себя постоять, но нас, детей, было много. Сэр Калибурн нас спас.

– Не слышал об этом, но подвиг его славен, раз ты так говоришь. Все же мне не понятно, с чего ему подбирать тебя? – спросил Ремли.

– Его оруженосца убили тевтонцы. Потом они с рыцарями замирились. Тевтонцы пода-рили ему стихотворный Апокалипсис Генриха Геслера или Хеслера, со многими странными картинками на полях, и с той поры, как он его прочитал, сэр Калибурн уверовал, что видел ангелов – истребителей рода людского. До той книги он пребывал как в тумане.

– Да не может же быть! – вдруг вспомнил эту девочку Ремли. – Ты не Ним, ты – Ниам! Именем этим Брес-отец и мать Фанд тебя нарекли, я ж стоял тогда рядом!

– Откуда тебе стоять рядом или помнить об этом, когда ты немногим старше меня? – Ниам не выдала своего волнения. Лишь по тому, как замерли пальцы, ощупывавшие ремень в поисках невидимых изъянов и трещин, Ремли понял, что вспомнил верно.

– Отгадку я знаю! Ты пила молоко древней волчицы, которой заботу о тебе я поручал. От ее молока – пищи могучих мужей и воинственных дев – детство твое миновало быстрей, чем у прочих детей. Ты сама это знаешь, хоть не подашь вида! Я же сам старше, чем с виду кажусь, – объяснил Ремли. – Но если имя Ниам твое урожденное имя, ошибки не может быть.

– Пусть так. Тебе-то что? – спросила Ниам.

– Ничего в этом нет, но забавны мне кажутся по временам те узоры судьбы, что плетутся вокруг человеческих жизней, пальцев невидимых дивное кружево, в котором людям заблудшим, людям, забывшим корни, рода и общины, ослепшим в привычной покорности перед друг другом, мерещатся издревле боги и парки.

– Красиво сказано! – вздохнула Ниам, но тут же одернула себя и съязвила: – Ты записываешь за собой?

– Обхожусь без того, – вздрогнул Ремли. – Я за делом пришел. Теперь я хожу с Калибурном, точнее, он со мной ходит, а тебе дал расчет. Можешь идти.

– Сэр Калибурн сказал бы мне об этом сам, если бы так хотел. Но он послал тебя. – Ниам наконец отвлеклась от ухода за седлами. – Я знаю сэра Калибурна. Он захотел, чтобы мы это решили меж собой? Ты не первый, кто хочет странствовать с Калибурном вместо меня.

– И как споры такие пристало решать?

Ниам подхватила щит, которым раньше оглушила гостя по голове, и швырнула в Ремли, не ожидая, что после такого он оправится. Но Ремли поймал щит, словно брошенный ветром лист, и мягко отставил в сторону.

– Нет, честным приемом меня не возьмешь, – ответил Ремли на бросок. – Я б повернулся спиной, чтоб, как раньше, могла ты ударить, да где это видано – бить недруга сзади в голый затылок? Низость и подлость! И тебе бы ответить кровью за подлость, не будь ты девицей. Разумеется, если враг твой бежит, добровольно спиной повернувшись, подставив трусливую голову тылом, бить не зазорно в затылок, и в шею, и по хребту такого вояку. В базарной же свалке, в схватке кулачной, в трактирном бою низким поступком я такие удары считаю, но ущерб он мне не нанес, так иди себе с миром.

– Любой может поймать щит. Поборемся без оружия, – предложила Ниам и выставила вперед руки.

Они с Ремли сцепились, как греческие борцы.

– В игрищах древних, что просвещенный народ посвящал богам-олимпийцам, первенство было б твое, кабы женщин туда допускали, – процедил Ремли, ощущая на себе нечеловеческую хватку Ниам. Хоть плоть, сотканная пауками, была крепче любой человеческой, хоть колдовство удесятерило его силы, но пришлось и ему припомнить, какими силачами вырастали люди, вскормленные молоком древней волчицы.

Никто из них не мог одолеть, пока Ремли не вспомнил легенду об Антее, который черпал силу от матери-земли. Тогда Ремли, подобно Гераклу, победившему Антею, поднял Ниам над головой.

– Кабы на игрища те допустили меня, второй тебе быть! – победно провозгласил он и швырнул Ниам в тщательно убранные седла. – Я победил, и тем спор наш решен. Уберись перед тем, как идти восвояси. – Ремли указал рукой на беспорядок.

– Ты теперь оруженосец, тебе и убирать, – поднялась, отряхиваясь, Ниам и, больше ничего не прибавив, вышла из конюшни.

– Сами управятся, – махнул рукой Ремли, оглядев нанесенные разрушения, и пошел проводить свою компанию.

В «Кильке», куда он отправил Уитби, Ремли первым делом подошел к трактирщику.

– Где могу видеть Уитби, снявшего комнату в столь дружелюбной обители?

– К которому рыцарь прошел? – подозрительно глянув на Ремли, спросил хозяин.

– Это он, мой Уитби. Его я ищу.

– По лестнице два пролета и налево вторая дверь. Только не много ли вас туда набилось? Комнату мне всю разнесете. Кто платить будет? – спросил трактирщик.

– Ты прав, управитель жилища. – Ремли выудил из-за широкого пояса причудливый золоченый кошелек, расшитый греческими буквами. Буквы не составляли надпись, а складывались в шараду, которую Ремли никак не удосуживался разгадать, потому что для этого нужно было отыскать знатока греческого языка, который имел бы больше интереса к шарадам, чем черствый Мельхиор.

– Сколько заплатим хозяину мы за обещанный кров? – спросил он у кошелька и перевернул его. Шарада сообщала, как пользоваться этой затейливой вещицей, но Ремли, в случае чего, прибегал к угрозам и справлялся со своим банкиром, не зная текста.

Две выпавшие на стол монеты он пододвинул к хозяину.

– Уитби тот, я скажу по секрету, порядочный скряга – под стать моему кошельку. Вечно нас принуждает ютиться в затхлых каморках. Я сниму еще одну комнату для себя, – уведомил хозяина Ремли.

Хозяин пальцем пододвинул к себе монету, затем вторую. Такая странная проверка подлинности его удовлетворила. Он не стал взвешивать монеты, пробовать на зуб и делать другие фокусы. Легкомысленно? Но кто знает все секреты? Может быть, за этим простым с виду движением монет к себе скрывался тщательно хранимый секрет многих поколений трактирщиков?

– Занимай любую свободную, только рыцарей бы сюда не водить, у меня скоромное место для простых людей, и плата у меня для простых людей, – ответил хозяин.

– Не тревожься, – пообещал Ремли. – Мы хоромы твои бранным людям не дадим в разорение. Сэр Калибурн нас покинет до ночи.

У Уитби вечер шел почти так, как представлял в воображении Ремли. При виде младенца Ричарда рыцарь, ссылаясь на Матфея, пробурчал что-то про горе беременным и питающим сосцами в те дни, но «те дни» недолго занимали его. Калибурн все же схватил пищащего мальчика и посадил верхом на свою ногу, как на лошадку, которая даже немного скакала вверх и вниз, когда сэр Калибурн качал ногой, постукивая по полу пяткой.

Вместо схоластики Ансельма Кентерберийского рыцарь с Уитби нашли общую тему за шахматами. Старик таскал с собой малюсенькую клетчатую досочку с деревянными фигурами. У сэра Кормака Уитби играл на малахитовой плите фигурами из слоновой кости, резными королями с позолотой на коронах. Сейчас ему приходилось довольствоваться потертыми деревянными конями и пешками, вырезанными каким-то бродягой за подавание; все фигуры были сотворены по единому образу и такому близкому подобию, что едва можно было разобрать, где кто. Впрочем, партия у игроков не складывалась по другой причине: на шестом ходу Уитби принялся поучать рыцаря, как правильно разыгрывать венецианскую партию, из чего у них возник спор о лучшем ходе, о котором сэр Калибурн (к неудовольствию Уитби) знал

из самой Венеции. Потом они пустились в обсуждение тонкостей староиндийской защиты и вместо целой игры лишь переигрывали различные варианты дебюта.

За этим увлекательным занятием рыцарь совсем забыл, что на его ноге, как на лошади, скакал будущий сэр Ричард. Стоило рыцарю потянуться за фигурами и убрать поддерживавшие грудного всадника руки, как мальчик потерял равновесие, упал на пол и, расквасив себе нос, залился плачем. Лионора подхватила его на руки и принялась укачивать да успокаивать, коря рыцаря за невнимательность, но сэр Калибурн не смутился:

– Кормилица, ты воешь как баньши, когда ребенок упал всего лишь с коленки. Подумай, как придется драть тебе глотку, когда он впервые упадет с настоящей лошади? Или ты думаешь, что вечно сможешь держать его на руках?

Рыцарь подошел к Лионоре, и, поскольку та укрывала ребенка своим телом, сэр Калибурн грубо раздвинул их, чтобы добраться до Ричарда. Он посмотрел на кровоточащий нос, обмакнул палец в кровь и начертал на его распашонке крест.

– Вот так должен выглядеть будущий рыцарь!

– Воистину! – подтвердил Ремли, который вошел к ним как раз на кровавое крещение. – Но отложим семейные радости. Наш старец убедил тебя, сэр Калибурн, что не ангелов видел ты, а дружину кровавого короля? – спросил Ремли, снимая с доски короля, которого тут же, будто бы случайно, разломил пополам.

В комнате повисло неловкое молчание. Лионора принялась укачивать Ричарда, напевая его любимую колыбельную:

*Острое зрение, острые клыки —
Что за наваждение
Глядит из темноты?
Лучше берегитесь вы,
Милые мои:
Не кажите ночью вы носа из избы!*

В колыбельной было еще несколько куплетов, в которых подробно рассказывалось о том, как «наваждения», являясь в самых жутких обличьях, потрошат непослушных детей, которые не хотят спать. Неудивительно, что эта песня так усыпляюще действовала. Даже взрослые после такой песенки лежали бы, боясь пошевелиться.

О конце света и Хмуром Брузе как-то забыли, даже Мельхиор успокоился и устало прикорнул на полу, завернувшись в свой шерстяной плащ. Ремли продолжил:

– Сегодня я слышал своими ушами, как благородный сэр Калибурн утверждал, что видел ангелов на конях... Как ты там говорил? На конях в бронях серных, бронях огненных. Как дальше?

– Бронях гиацинтовых, – покраснев от смущения, завершил перечисление сэр Калибурн.

Теперь, когда его история подвергалась пристальному разбору в присутствии свидетелей, она перестала казаться ему незыблемой истиной. Все слова подсудны, проверяемы даже пророки. Вера его в свою избранность пошатнулась.

– Впереди них, словно красное пламя заката, шел Абаддон – ангел бездны, – закончил обращение к Откровению Иоанна сэр Калибурн.

– «Гиацинтовый» – странное слово, чтобы броню описать, – усмехнулся Ремли. – Скажи мне, Уитби, что за войско явилось при тебе в замок Кормака? Сэр Калибурн сам сравнит, похожи ли те два войска, или видел он нечто иное.

– Если память мне не изменяет, пятый ангел должен явиться верхом на саранче размером с коня и с человеческим лицом, – неохотно пробормотал Уитби, не упустив случая щегольнуть ученостью. – Я ничего такого – никаких саранчей, ангелов, Абаддонов, агнцев, рогатых,

исполненных глазами, с пятью головами – не видал. Из бездны, открывшейся не вниз, как это представлено на картинах, а словно ворота, вышли к нашим стенам кони. Размером они в полтора раза превосходили самых рослых коней, что я видел. Одеты они были в броню из камня, по виду похожего на железную руду, листы той руды были сшиты между собой цепями, как нитями. Всадники на крупах были гигантами, больше самых рослых людей на две головы. Впереди них шел король, его корона горела вокруг головы не золотом, а красным огнем ореола. В трех глазах его горел тот же красный огонь, у прочих же такого свечения в глазах не было, и самих глаз было по две штуки.

– Как ты все так хорошо разглядел? – спросил сэр Калибурн. – Мне бы, стой я так близко, чтобы все хорошо разглядеть, не уйти оттуда живым.

– Они пришли с внешней стороны стен, в сумерках, и прежде, чем разбили нам без тарана ворота, я мог на них поглядеть. – Уитби сжался в комок, поджал колени и обнял себя руками, как делал всякий раз, когда вспоминал о тех всадниках. – Я стоял на стене, почти над воротами. Я видел их вблизи. А как разбили они ворота, словно связали мы их из веток, а не из струганых дубов, так я и бросился со стены к потайному входу.

– Да, это правда. Я тоже видел корону красного пламени, – согласился со словами Уитби сэр Калибурн. – Ты говорил, что знаешь, кто это, если это не ангелы? – спросил он у Ремли.

– Знаю, кто они, откуда пришли и что приходить будут впредь. Если не обуздать их сегодня, то, когда твой конец света наступит, истреблять и судить ангелам некого будет. Ты ж не допустишь такого? Чтоб Хмурый Бруз все жертвы пожал перед ними? – отвечал Ремли.

– Зачем тебе я? – спросил рыцарь. – Я не могу победить их. Ни единого из них. Я позорно бежал, приняв их за ангелов, но даже достань во мне знания разобраться и найди я смелость бросить им вызов, мне не победить ни единого из них. Никому из живущих не сравниться с силой этого войска.

– Не принижай себя, рыцарь, и других, равных тебе. Не так те духи сильны: одного или двух в конном бою ты заборешь. Мне ты нужен затем, что привычнее при рыцарях мне, – объяснил Ремли. – Их благородство и честь для меня – воплощение лучшего, что есть в человеках. До тебя мне сэр Кормак был путеводной звездой, до него сэр... – остановился Ремли, не решаясь упомянуть Артура, – сэр другой и другие пред ними, – так закончил Ремли, чтобы избежать в разговоре с Калибурном громких имен.

– Зачем мне странствовать с тобой? – повторил тот же вопрос с другой стороны сэр Калибурн.

– Легко проповедовать словом, делом – труднее, самое сложное не в ведрах дырявых вести о гибели мира носить от села до села, из деревни в деревню, а исправить поступком, что можно. Если считаешь, что дело свое ты исправно справляешь, что призвание свое оправдал, словно кликуша страшая народ, то иди – поищу я другого смелого духом себе в провожатые. Мне же понятно, что храбросердному мужу больше пристал разговор на железных мечях, за прочность которых ржавчина старая скажет на острых краях кромки лезвия, чем речи вести как монах, страхов набравшийся в ветхих скрижалях.

– Но как ты хочешь побить их? Ты знаешь, где откроется бездна? У тебя есть воины, равные этой дьявольской дружине? – не мог взять в голову сэр Калибурн.

– Я брошу им вызов и место назначу.

– Они так честны, что придут?

– Хмурый Бруз, их король, не лишен честолюбия злобного. Разбить людей сила на силу, войско на войско, дружина с дружиной ему веселей, чем беззащитные замки громить, сжигать города. Мне их главарь не откажет.

– Завтра с примкнувшими ко мне рыцарями я собирался отправиться в Утрехт на большое собрание, – сообщил сэр Калибурн. – Верно ли понял я, что в эту дорогу мне не отправиться?

– Это не по пути? – спросил Ремли, вопросительно взглянув на Мельхиора.

– Нет, – кратко ответил с пола волшебник, сквозь дрему следивший за разговором.

– Да, мы пойдем иначе. Тебе стоит поведать всем соратникам, что ты взялся за новый обет, и от себя добавь, что захочешь, сверх правды. Твой язык сослужит нам службу. Будешь всех созывать, но не на света конец, а на битву с выходцем бездны. Помнишь, я говорил, – Ремли обратился к Мельхиору, – что бой последний мы в одиночестве встретим? – (Мельхиор согласно кивнул.) – Этот еще не последний. Предательский Бруз, дух зловонный из серных клоак Муспелльгейма, расклад изменил. Снова придется войска собирать...

– Я запутался, – обратился сэр Калибурн к Мельхиору, который изъяснялся яснее, чем Ремли. – Что мне делать?

– Я уточню, и завтра утром ты будешь все знать, – пообещал Мельхиор и едко добавил, кивнув в сторону Ремли: – Питаю скромную надежду его понять.

Мельхиор был в серьезных сомнениях, что поймет задуманное своим спутником.

Сэр Калибурн вздохнул, поняв нерешительность Мельхиора, и встал, чтобы удалиться в свои покои через дорогу.

– Зачем ты сказал ему, что Утрехт не по пути? – спросил Ремли у Мельхиора, когда сэр Калибурн вышел. – Ты же не знаешь, куда мы пойдем.

– Я этого не знаю, и ты знал об этом, – согласился Мельхиор.

– О чем? – запутался в «знаю – не знаю» Ремли.

– О том, что я не знаю. Ты спросил меня лишь затем, чтобы я сказал «нет» и освободил рыцаря от мыслей отправиться в Утрехт. Вот я и сказал «нет». Когда я узнаю, куда мы пойдем, я точно скажу, по пути это или нет. Может, и по пути, ведь отсюда не так много дорог, а в Утрехт ведут многие.

Ремли пропел:

Много знаний – много слез.

Мало знаний – красный нос.

– Экклезиаст? – встрепенулся Уитби.

– Студенческая песня. В трактире подхватил, – ответил Ремли. – Вы видели эти новые школы – уни-вер-си-теты? Они растут как грибы после дождя подле городов. Потрясающее изобретение! Еще никогда учение не было таким веселым! Как это люди раньше об этом не додумались?! Вот если б твое учение, Уитби, случилось не за школьную партой под розгой священника, ты веселее глядел бы на мир. Если бы ты, Мельхиор, в башне зубрил заклинания не узником бледным, а кружкой горького пива их запивая, сидел бы и ты передо мной веселее, чем лунь, ночью безлунной крота заклевавший.

Мельхиор спрятал лицо в ладонях. Он проклинал тот день, когда решил отправиться на дьявольский праздник в Андзороканд; проклинал того случайного путника, который на привале поведал ему о том празднике и о том городе; проклинал ткача, который выткал платье, в котором мать того путника приглянулась его отцу; проклинал кузнеца, который подковал лошадь, на которой его дед выкрал из деревни его бабку... и еще много кого проклинал он, без кого не состоялась бы встреча волшебника Мельхиора и допельгангеров.

Если бы он знал, на сколько лет затянется это приключение, насколько сложнее станет его путь, насколько он успеет постареть, не в силах даже в мечтах увидеть конец своим странствиям... если бы он только знал... Великий волшебник ютится по трактирам и постоялым дворам, вместо того чтобы жить чинно, спокойно, наслаждаясь нажитым добром, почетом соседей, уважением учеников и другими плодами славно прожитой жизни.

Жаль, что нельзя вернуть этого болтливового мертвеца времен короля Артура под тот камень, из-под которого он выполз, и воткнуть в него Длань, чтобы навсегда успокоить. Баал

приближается. Как много раз Мельхиор думал об этом. Пусть бы Баал уже скорее пришел и все было кончено.

– Я вижу усталость твою и мысли твои, хоть сокрыты от глаз и в молчании не сказаны, но мне они ясны, ты не впервой им предаешься в вечернюю пору. – Ремли похлопал Мельхиора по плечу. – Когда снова тобой овладеет усталость, сердце твое повернется к отчаянию, вспомни, что мне во сто крат тяжелее: ты можешь забыть и прогнать, отвлечься, уйти и не помнить, во мне же всегда этот зов, словно звон со всех колоколен. Я ни на миг не могу глас Баала утишить. Во мне он горит, и чем ближе Баал, тем сильнее пылает. Потому я иду лишь вперед, не по карману мне остановки.

– Прости, – отозвался из-под ладоней Мельхиор. – Это находит иногда.

– Я сделал, как вы просили, – напомнил о себе Уитби, когда увидел, что Ремли закончил говорить с волшебником. Ремли для него оставался лишь немного повзрослевшим оруженосцем сэра Кормака, которому он хранил верность в память о своем почившем господине. Настоящее обличье и подлинное имя Ремли Уитби не знал и не узнал до самой смерти. – Так не рассчитаться ли нам? – предложил Уитби.

– Заплати ему. – Ремли вручил свой кошелек Мельхиору. Ремли до сих пор не разбирался в деньгах. Их было так много, и все разные: золотые, серебряные, медные. Каждый, кто мог позволить себе рудник и монетный двор, чеканил свои монеты. Лишь седовласые менялы и длиннородые евреи, всю жизнь просидевшие в лавках, где совершался обмен денег, понимали, сколько стоит та или иная монета в эту фазу луны, да и те менялы между собой часто спорили, не в силах прийти к единому мнению.

Кошелек сам раскрылся в руках Мельхиора, поняв волю своего хозяина. Тому, кто полезет в него без разрешения, кошелек мог запросто переломать пальцы, а то и кисть оттяпать. На дне кошелька валялось немало таких истлевших трофеев. У Ремли никак не доходили руки в нем прибраться и выкинуть кости.

Мельхиор вытряхнул на стол горку монет вдвое больше, чем размер кошелька. Среди них, подтверждая плотоядные повадки волшебной вещицы, оказался дешевый перстенок, который Ремли туда не клал. Сложно сказать, когда перстень там оказался и оказался он внутри вместе с пальцем или кошелек тогда пребывал в миролюбивом расположении духа, наказав вора лишь на один перстенок, без членовредительства.

Уитби шустро рассортировал монеты по кучкам: новые, старые, старые золотые, старые серебряные, старые неизвестные. По беглому расчету тут хватит на...

– Домик купить хватит, – подсчитал и Мельхиор. – И еще лет на пять.

– По самому скромному счету – года на три, – поморщился Уитби. Денег много не бывает. Может, в легендах о Крезах и Мидасах, но не в обычной жизни.

Снова развязав шнурок на кошельке, Мельхиор решил добавить Уитби на безбедную старость, но строптивый кошелек отказался открываться: хватит. Волшебник бросил несговорчивого, как итальянские банкиры, кредитора обратно Ремли.

– Да меня таким жалованьем разве что не обокрали! – Уитби трагически складывал монеты в столбики, ведя им точный счет. – Даже сэр Калибурн спускает столько за год, а сэру Кормаку тут даже на зиму не хватило бы.

– Давай-ка, не жмись! Покажи мне твои лучшие ауреусы, солиды да иперпиры! Все покажи, не то я на тебе алчную жабу, стяжательства образ, прикажу вышивальнице вышить! – прикрикнул Ремли и грубо встряхнул свой кошелек. Угроза подействовала, и на его руку посыпалось старинное круглое золото с головами консулов, триумвиров и императоров. – Так-то лучше, строптивное злата хранилище! Умеешь быть щедрым и ты, как купец под ножом лиходея!

Ремли под жадным взглядом Уитби, пожиравшего сверкающие, будто только отчеканенные и еще теплые от клише, монеты, спрятал все вытрясенное из кошелька золото за пазуху – словно у котенка из-под доверчивой мордашки миску сметаны отобрал.

– На сохранение вечное! – вместо монет он бросил бывшему местоблюстителю кошелек, но тот, едва поймав подарок, в страхе, будто горячую головню, бросил кошель на стол, рассыпая заботливо собранные столбики монет. – Не тревожься, – успокоил Ремли встревоженного подарком Уитби, – он даст, сколько будет нужно, лишь по своему разумению понимая «нужно». Но юный сэра Ричард не будет нуждаться – вот мое слово. Ты слышишь меня, скряга, старинный мешок из шкур золоторунных овец?! – заорал Ремли на кошель. – Сэр Ричард не будет нуждаться и получит все, что по рождению он заслужил! – пригрозил он кошельку. – Иначе порежу тебя в лоскуты да в косы деве гуляющей вплету, проведя с ней без сна и без совести три ночи кряду.

Уитби показалось, что кошель на столе в ответ тихо вздохнул, подчиняясь воле своего владельца. Кому же хочется закончить свою жизнь порезанным на ленточки для украшения особы от ремесла хоть и древнего, но почитаемого низким как никакое другое?

– Теперь ты посвятишь меня в то, куда мы идем? – спросил Мельхиор, когда денежные дела с Уитби были решены.

Вместо ответа Ремли достал мятый пергамент с картой и, сметя со стола те монеты, которые не улетели прежде, разложил ее на ровной поверхности.

– Гунред разбит здесь, – пометил он мелом замок в северных землях, – сэра Кормак – здесь, – сделал он вторую отметку. – Твердыня паладинов – здесь. – Он поставил третью точку. – Нам нужно сюда. – Он положил мел в середину треугольника.

– Почему? – не понял Мельхиор. – Карты неточны. Как можно вычислить? Да даже коли так, то нам нужно в середину моря! Можно неделями бороздить волны, не зная точно места.

– Я знаю место, – ответил Ремли.

– Как? Вычислив середину треугольника? – всплеснул руками Мельхиор.

– Ничего я не вычислял, я и так знаю, где стоит Хрустальная Башня. – Ремли стер свои отметки, так что остался только мелок посреди моря. – Так ясно? Идем сюда! Вот же порок возрос среди людей – во всем видеть смысл, будто вам кто его обещал и распиской «Везде найдешь смысл» снабдил. Хуже разврата и пьянства этот порок, ведь те умножают веселье, а смысл искать – только мысли корежить, беречь тревоги.

Мельхиор не стал возражать. Ничего удивительного, что Мерлин знал, где Хрустальная Башня; эта легенда из времен таких же древних, как сам воскресший от волшебного сна чародей. Лишь бы она не стояла на дне моря. Мельхиор поглядел на карту и прикинул курс.

– Тогда завтра у нас однодневный переход до моря. На лошадях. Пешком не дойдем. В Утрехт не пойдем, – поводит он пальцами по пергаменту, – сэра Калибурн не попадет по своим делам. Потом на корабле пойдем к Хрустальной Башне.

– Где взять нам сподручней корабль, многоопытный странник, скажи мне! – попросил Ремли.

– Пойдем в Дордрехт. – Мельхиор поставил палец на карту. – За день туда доберемся, там места обжитые и хороший порт.

– Ты был там?

– Нет, еще не бывал, но слышал, что там грузят суда вином и хлебом. Следовательно, там есть с кем договориться о фрахте.

– Тогда до утра отдохнем. Я за стеной сны вкушаю, если понадобится. – Ремли церемонно отметил каждого в комнате кивком головы и ушел к себе в отдельную комнату.

– Долго тебе еще с ним мучиться? – спросил Уитби, собирая по полу рассыпанные монеты.

– Пока не успокоится, – прошипел Мельхиор. Вопрос Уитби задел за больное.

– Вот и я думаю... – начал Уитби, но что хотел сказать, толком не придумал и принялся, как это водится у стариков, вспоминать прошлое: – Подумал я тогда, как ты к нам заявился, что лучше бы Хельмут тебя сразу молотом перешиб – ты б меньше мучился. А когда этот второй стукнул... Ты помнишь, он нам еще церквушку обвалил, тут уж я подумал, как бы меня самого не перешибли...

– Не перешибли же, – заметил Мельхиор. – Однако я бы на твоём месте так не делал! – вдруг поднял голос волшебник, стараясь уберечь Уитби от опрометчивого поступка.

– Как? – озабоченно спросил Уитби, но было поздно.

Он долго возился на полу, аккуратно собирая рассыпанные Ремли монеты. Собрав деньги, он их еще раз пересчитал и по привычке отправил в подаренный кошель, совсем позабыв, каким скаредным и сложным для такой простой вещицы характером наделена его новая мошна.

– Вот так. – Мельхиор показал, что опускает монеты в кошель.

– Стой, сволочь! Отдай! – Уитби попытался разжать пасть кошелька, чтобы вернуть полученные от Ремли деньги, но кошель прочно захлопнулся и накрепко замотался шнуром. – Из какой же жадной свиньи тебя, сволочь бессердечная, выдрали. Обрекаешь старика с малолетним юнцом на голодную смерть, – чуть не заплакал Уитби, как плакали его денежки.

– Ты помнишь сказку Лионоры «Бережливая курица»? – спросил Мельхиор и поглядел в налитые слезами глаза Уитби. – Жила-была бережливая курица, и решила она сочинить о себе сказку. Сочиняла она и день и ночь. Сочиняла и лето и зиму, да только дошла до середины сказки, как на словах «в хозяйстве» спохватилась: «Только поглядите, сколько слов я извела понапрасну! А могли бы они пригодиться в хозяйстве!»

– По-твоему, я – курица? – с недоумением спросил Уитби.

– Да, и очень бережливая, поэтому береги слова, а кошель отдаст. Потом, – философски произнес Мельхиор и улегся на плащ. – Свечи! – шепнул волшебник и сделал пальцами фигуру, от которой все свечи в комнате погасли.

Скоро все заснули. В этот день было сделано немало. Сэр Калибурн найден и привлечен на службу. Уитби с выдуманым семейством получил расчет и пожизненную ренту и больше не будет таскаться с ними, задерживая продвижение. Курс к Хрустальной Башне установлен. Можно отдохнуть, не виня себя за очередной бесполезно прожитый день.

Глава 3. Прологомены патафизики

Тихо скрипнула входная дверь. Звук разбудил Ремли, хотя спал он крепко. Видения и кошмары, в которых царствовал пожирающий миры Баал, не мешали ему. Он научился так сливаться с этими посланиями, что ощущал себя их частью, а сами сны – частью себя. Они перестали беспокоить его. Это были просто сны, потоком проносимые через впечатления настоящего мира. Поток становился сильнее ночью, но стихал при свете дня, как пламя свечи становится незаметным в залитой солнцем комнате. Зловещие и вещие образы, тревожные картины – они не предвещали ничего такого, чего Ремли не знал и не пережил в глубине сознания.

Лионора поставила на стол рядом с ложем Ремли кружку теплого молока.

– Они ждут вас внизу, господин, – холодно сказала она и вышла, притворив за собой скрипучую дверь. Ей Ремли не нравился.

Она, как и Уитби, помнила, как он постучал к ним в третий раз, обрушив их деревенскую церковь, на строительстве которой тринадцать лет проработал ее муж. Муж, погибший в тот же день и от той же руки, что и сэр Кормак. Если бы Уитби вовремя не всучил ей вопящий комок тряпья с сэром Ричардом и не увлек в чернеющий холод потайного прохода под колодцем с домовым, лежать бы им вместе в камнях разрушенного замка. Во всем был виноват Ремли. Он каким-то образом привлек к ним это зло.

Ремли залпом опустошил кружку и, распахнув ставни, выглянул в окно. Внизу стоял его отряд. Там были сэр Калибурн, Мельхиор, Ниама и лошадь под седлом, предназначенная, судя по всему, ему. Вихрем спустившись по лестнице, он оставил без ответа «Как спалось?» от трактирщика и выскочил наружу. Кто собрал их в дорогу? Конечно, Ниама. От нее так просто не отделаешься, но если хочет идти с ними, пусть идет. Не Ремли же на всю честную компанию лошадей седлать. Сама знает, как за себя постоять в случае опасности. Откуда недостающие лошади? Купили на деньги Мельхиора или рыцаря. «Отлично! – подумал Ремли, вскакивая в седло. – Спорится дело, если братья умело».

– Двинемся, други! – провозгласил Ремли. – «Поспешай не спеши» – не про нас говорится!

– Я взял Ниама обратно, – сообщил сэр Калибурн. – Иначе мне пришлось бы самому седлать лошадь, чего я не делал много лет.

– Мне тоже по духу, когда собрана лошадь, – не стал возражать Ремли. – А теперь за мной!

Ремли проскакал улицу, пронесся мимо стражника, который встречал их вчера при прибытии в город, и сделал четверть мили по пустынной дороге. Обернувшись, он не заметил за собой никого из спутников. Поняв, что малость обмишурился, он возвратился.

– Скажи мне, привратник, – обратился он ко вчерашнему стражнику, – здесь ли дорога к... – тут Ремли забыл название города, куда предложил ехать Мельхиор, – морскому порту на букву «Д» в голове, а с хвоста похожему на Утрехт?

– Дордрехт в той стороне, – указал стражник на дорогу, по которой только что выехал Ремли. – Город проедешь насквозь, на развилке налево забирай, к югу.

– Благодарю тебя много! – отозвался Ремли и снова поскакал в город, оставив стражника тихо усмехаться в седую бороду.

– Скатались узнать, хороша ли погода по ту сторону городка? – широко улыбнувшись, спросил сэр Калибурн, когда Ремли вернулся к своему отряду, который все время его верховой прогулки оставался ровно в том месте, где ждал его утром.

– Именно так, – подтвердил Ремли.

– И как состояние небес и ветров? Располагает к поездке? – уточнил сэр Калибурн с легкой насмешкой.

– Природа прекрасна: ласков западный бриз, облака белобоки, а солнце, как никогда, в это утро округло! – не смущаясь, ответил Ремли. – Я ж вернулся спросить, как зовут мою лошадь. Ехать, не зная клички коня, да к тому ж не в ту сторону, очень неловко, как я нынче заметил.

Если довелось попасть в неловкую ситуацию, веди себя так, будто ничего не случилось – тогда все обратится в шутку. Этот хороший совет узнал Ремли в дороге. Один из редких случаев, когда Уитби сказал что-то мудрое. Разумеется, совершив неловкость, ты пребываешь в досаде, и от этой досады, особенно если она сильна, вместо жемчуга шуток у тебя изо рта сыплется грязными комьями площадная брань (сам Уитби, опростоволосившись, вел себя именно так), но иногда, когда тебя распирает от радости грядущих свершений, а в желудке приятно плещется растрясенное на рыси парное молоко, можно найти в себе силы последовать такому совету.

– Ты верхом на коне Ниам. Полная кличка Браусменгойль, но обычно мы зовем его Браус, – ответил сэр Калибурн.

– Мчи меня, Браусменгойль быстроногий, навстречу судьбе!

– Он же дурачок, – вполголоса сказала Ниам Мельхиору, когда увидела, что Ремли на этот раз двинул лошадь в правильном направлении и больше не может ее слышать.

– О да! – охотно согласился Мельхиор.

– Тогда почему все его слушают и идут за ним? – спросила она.

– Потому что это самое большое заблуждение, которое можно иметь.

– Но ты же согласился, что он дурачок.

– Он тот, кем кажется, а кажется он всегда по-разному, иным – по-иному. Тьфу, чертов рыбий язык! – сплюнул Мельхиор, услышав, как произвольно произнес оборот, присущий его спутнику. – Ты слышишь? Он уже здесь. – Мельхиор указал себе на висок. – В моей голове. Если он кажется тебе дурачком, тебе повезло. Дурачки безобидны. Мне он кажется самым опасным безумцем на земле, но от него зависит благополучие мира, и это мне не кажется. После всего, что я видел, я в этом уверен.

– Как же мне с ним себя вести: как с господином или как с дурачком? – спросила Ниам.

Поглядев на Ремли сегодня, она не могла понять, как едва не приняла его за самого Мерлина.

– Веди себя как с человеком. Этого будет достаточно. Он хочет использовать сэра Калибурна, а не тебя. Тебе повезло – многие, кого он использовал, погибли.

– Я не допущу, чтобы сэр Калибурн погиб из-за него! – вступилась за рыцаря Ниам. – Он слишком много сделал для меня.

– Ремли не убивает, наоборот, защищает, когда может, но рядом с ним столько опасностей, что люди все равно гибнут. И тебе стоит быть осторожной, хоть ты сильнее и способнее других. Сэр Кормак тоже был не робкого десятка, а не защитил себя, когда остался один. Да что там Кормак! Весь орден паладинов перебили враги – из-за того, что те замешались в этой истории. Перебили, не спросив, на чьей они стороне.

– Что это за враги? – Ниам погнала коня догонять Ремли и своего господина.

– Духи огня из Муспелльсгейма, которые обрели свободу и плоть, – прокричал Мельхиор, догоняя ее на рыси.

– Где это? Что за страна? Я не слышала о такой. И как их бить?

– Они не из нашего мира.

– Из потустороннего? – изумилась Ниам.

– Можно сказать и так, хотя мы называем эти миры соседними. Ремли знает, как их бить.

– И ты знаешь?

– Нескольких побью, но с целой дружиной мне не управиться, да и король их, Хмурый Бруз, из числа могучих и древних, из тех, кого люди нашего времени еще не бивали.

– Значит, и я одного-двух побью, – заключила Ниам. – Все сэру Калибурну выйдет подспорье.

– Ты не похожа на воина.

– Ты тоже не похож.

– Я – волшебник.

– Добрый?

– Стараюсь.

– А я – воин.

– Ты спрашалась вместе с Калибурном? – с недоверием спросил Мельхиор. – Нет. Я вижу, что нет.

– Конечно, видишь, ты же волшебник.

– Не нужно владеть Искусством, чтобы увидеть насквозь вашу парочку. Твои ноги привычной ходьбе, чем езде верхом. На Калибурне нет шрамов и других следов ран. Он – рыцарь турниров и речей. Если бы он дошел до стен Акры, то был бы сейчас красив, как сэр Джон Кормак. Ты видела атаку сомкнутого конного строя? Камни метательных машин мелькали над твоей головой? Ты глядела на зубья стен из прохода осадной башни? Слышала грохот таранов? Тебе знаком запах кипящей смолы и дым, когда ее поджигают под твоими ногами?

– Я видела, как убивают беззащитных. Мне этого достаточно.

– Кто в наши дни не видел? Этого недостаточно, – отрезал Мельхиор.

Так продолжали они разговаривать о том о сем, коротая время в дороге, а сэр Калибурн в поисках собеседника догнал Ремли. Они поскакали бок о бок и тоже говорили.

– Я всю ночь не сомкнул глаз: размышлял над твоими словами, – начал разговор сэр Калибурн.

– Раздумье – дорога к истине! Жаль, в той пословице не сказано, кратчайшая или нет, но размышлять для человека есть похвальное занятие, – ответил на это Ремли.

– Ты всегда так говоришь? Ты мог бы говорить обычно? – попросил сэр Калибурн.

– На моем родном валлийском языке?

– Он мне незнаком.

– Я попробую. – Ремли отпустил повод и обеими руками размял щеки и губы. – Должно получиться. Что наразмышлял за ночь, о... – Ремли шлепнул себя по губам, чтобы не закончить: «О многоопытный рыцарь» – тем высоким слогом, от которого сэр Калибурн просил его воздержаться.

– Так вот я размышлял. Я не могу принять твою точку зрения на видение, которое мне явилось, – ответил рыцарь.

– Ты скачешь рядом. Это ли не доказательство моей правоты? На сегодняшний день мне хватает настоящих врагов, а воевать с людскими заблуждениями – не мое призвание, хотя прежде некоторые рыцари находили мои наставления полезными и сами ходили на поиски меня, чтобы узнать о предметах, которые их беспокоили.

– Я рад, что мы можем сохранить дружелюбие, не приходя к одинаковости убеждений, – сэр Калибурн удовлетворился данным ему объяснением. – Теперь расскажи мне, куда мы движемся, и как ты хочешь устранить опасность, о которой говорил вчера, и какова польза, которую я могу принести.

– Три вопроса были. Три будут ответа. Первый ответ: через Дордрехт мы пойдем морем к Хрустальной Башне. Там мы призовем на нашу сторону волшебника, призванного быть хранителем Мидгарда – мира людей. Он был среди тех, кто убил и заточил Хмурого Бруза.

– А если он не согласится? Не все сговорчивы как я, – уточнил рыцарь.

– Тогда свернем ему шею. Убить духов огня не сложнее прочих духов. Загвоздка в том, что, убитые, они возвращаются домой в Муспелльсгейм. В прошлый раз маги, победившие их, заперли духов здесь, но этого оказалось недостаточно. Мы должны поступить иначе. Я

хочу побить их трижды: во плоти в этом мире, во плоти в Муспелльсгейме и в третий раз как бесплотных духов огня. Ты мне поможешь побить их здесь. Ты соберешь рыцарей, которые хотят постоять за благополучие мира и осенить себя бессмертной славой, какой покрыв себя сэр Кормак. У тебя есть дар убеждать словом, которому внимают те, кто останется глух к моим словам. Как Мерлина слушал Артур, а Артуру внимали все рыцари стола, так ты будешь нести мое слово. Ты будешь новым Артуром – ипустишь в ход свой дар и соберешь рыцарей в место, которое я укажу. В этом месте мы побьем духов огня в первый раз.

– А потом? Ты знаешь, как побить их вторично и трижды?

– Второй раз я поставлю против них армию, рожденную не в этом мире, привычную к серным облакам Муспелльсгейма, и сам возглавлю атаку.

– А в третий?

– Как одержать третью и сложнейшую победу, я верного средства еще не избрал. Надеюсь, хранитель Хрустальной Башни подскажет мне. Он вечный, он бился с духами в прежнее время, его знание о дружине Хмурого Бруза превосходит мое.

– Я никогда не слыхал об этих духах.

– Должно быть, ты читал в детстве не те книги.

– Вернемся к последнему вопросу. Я должен говорить всем встречным, что будет бой с духами огня, и звать их на бой, который пройдет неизвестно где и когда?

– Место я сообщу на грядущий восход, а время сейчас укажу – через три месяца от сего дня.

– Почему через три? Мало времени собрать тебе армию.

– Слухи быстры, твое слово быстрее вдвойне, а жадные до славы и подвигов рыцари – эти десятикратно быстрее. Прискачут! Успеют! Мне не нужны все до последнего рыцари мира. За три месяца ратников соберется достаточно. Нам не весь Муспелльсгейм штурмовать, в жерло Священной Горы рассеченные трупы швыряя, пока не будет полна, как было при асах и ванах, а одну лишь дружину побить.

Ремли снова шлепнул себя по губам за прорвавшуюся речь на рыбьем языке.

– Их человек двадцать, – тихо произнес сэр Калибурн, прерывая Ремли и жестом указав на опасность.

– Их двадцать два, шесть луков, двадцать мечей, три женщины, – посчитал Ремли.

– Впрочем, они не кажутся враждебными, – оценил рыцарь выходящий наперерез их четверке пеший отряд. – Хотя засаду оставили. У них веревки и крюки, чтобы стаскивать верховых, будь настороже.

– Нынче много людей при оружии, но без чести и совести, что к нему полагаются. Шатаются по дорогам без верного дела. Жди какой-нибудь войны, – вздохнул Ремли.

Ремли с Мельхиором не раз приходилось за время похода отбивать нападки вооруженных проходимцев. Таких лихих людей, как отряд Гунреда, среди них не попадалось. Обычно все заканчивалось перебранкой, парой срубленных рук, сломанных ног; одному очень настырному бандиту Уитби в потасовке откусил ухо. Сэр Калибурн тоже был привычен к подобным стычкам, поэтому предпочитал не ходить по дорогам без сопровождения нескольких рыцарей, желавших послушать его проповеди.

Ремли и рыцарь остановились перед людьми, которые вышли на дорогу. Мельхиор и Ниам остановились позади, ярдах в пятидесяти.

– Мы спешим и не делаем остановок, – сэр Калибурн нацепил шлем и из-под забрала обратился к подошедшим людям.

– Ваше имя сэр Калибурн? – спросил стоявший ближе всего к рыцарю.

– Да, это я сэр Калибурн.

– Мы слыхали про вас. Куда бы вы ни шли, мы бы хотели предложить свои услуги. Среди нас разный люд: есть лучники, мечники, кузнец, есть силач из цирка.

– Нам не нужен отряд, – отказался Ремли.
– Мой спутник прав, – подтвердил сэр Калибурн.
– В таком случае благословите нас своим словом на последние времена, – попросил главарь шайки и встал на одно колено.

– Правда ли, что конец наступил и печати сняты? – спросил другой, вставая на колено по примеру главаря.

– Или время еще не настало и нам еще отпущено подготовиться? – обратился третий.

– Вы видели ангела смерти?

– Они ходят по земле и сеют болезни?

– Кругом рождаются уроды и от скота, и от женщин?

– Слушайте меня. – Сэр Калибурн повесил щит и простер руки к собравшимся. – Конец всегда близок, но сейчас я тороплюсь, чтобы рассказать вам больше. Завтра я вернусь и поговорю с вами. Может быть, возьму кого-то из вас с собой.

– Благослови вас Господь, – ответил главарь. – Мы будем ждать вашего возвращения.

Странные люди разошлись и вернулись в рощу, из которой неожиданно показались на дороге.

– Зачем ты пообещал вернуться? – спросил у рыцаря Ремли. – У нас не будет времени.

– Я и не собираюсь, – сняв шлем, объяснил сэр Калибурн. – Сдам этих разбойников страже и рыцарям Дордрехта.

– При нас они никого не ограбили, – задумался Ремли.

– Если сегодня при тебе никого не убили, из этого не следует, что в мире не прибавилось убийц.

Оспаривать моральные устои рыцаря Ремли не рискнул, и после короткой остановки отряд продолжил путь. Они скакали без еды, без питья и даже без походов до кустов; никто не слез с седла, пока отряд не достиг предместий Дордрехта. «Как чертовы гонцы», – выругался Мельхиор, когда Ремли наконец объявил остановку. Волшебник отлучился в правую сторону от дороги, Ниам – в левую.

– Ты привычен к дороге, – заметил Ремли сэру Калибурну, увидев, что тот продолжает оставаться в седле и не спешит воспользоваться удобствами остановки.

Сэр Калибурн поднялся на стременах и пустил ветры.

– Главный недостаток путешествия с девицей-оруженосцем, – заметил сэр Калибурн. – Им чаще нужно до кустов, чем мужчинам. Парня-то я заставлю опростаться в штаны. Раз лошади умеют опорожняться на скаку, отчего бы и людям не уметь? Но с Ним так не годится, – он продолжал звать Ниам мужским именем.

В Дордрехте горожане указали сэру Калибурну, как найти постоялый двор. По сравнению с крупным портовым городом прошлый городок казался милой деревенькой. Мостовые были убраны, площади вымощены камнем. Дома сверкали просмоленными гранями стропил, блестели мутноватыми пузырями окна, кое-где были даже стекла, стены светились белоснежной штукатуркой. Во всем чувствовалась любовь к порядку и чистоте.

Насладившись городскими видами, от которых так и хотелось завистливо вздохнуть: «Живут же люди», отряд дошел (скакать на рыси в городе разрешалась только рыцарям и страже) до постоялого двора и перед ним спешил. Не успел Ремли поручить Брауса заботам Ниам, как к нему подошел незнакомый человек, подозрительно похожий на Мельхиора. Лицо было другим, но возраст, седины, любовь к длиннополой одежде, да и вся манера держаться странно повторяли волшебника.

«Не водится ли у Мельхиора среди живущих под небом брата?» – подумалось Ремли при взгляде на этого дордрехтца.

– Вас ли зовут Ремли? – поинтересовался подошедший.

– Смотри-ка, – рыцарь весело хлопнул Ремли по плечу, – не одного меня узнают на улицах! И Ремли не так безвестен, как хочет казаться. Какими речами прославился ты?

– Я не понимаю. – Ремли почесал голову. – Ты кто? Откуда меня знаешь? – набросился он на копию Мельхиора.

Рыцарь собирался пойти на постоялый двор распорядиться, но, заметив незнакомого мудреца, имевшего дело к Ремли, задержался, чтобы послушать, о чем будут говорить эти двое. Замешательство Ремли его забавляло. Он выглядел таким уверенным, знающим все вокруг, но вот второй раз за день его ловят, как говорится, без одежды.

– Позвольте мне рекомендоваться: я – Альфредус Лакриан, доктор патафизики, – представился спутникам житель Дордрехта. – Из вашего разговора с незнакомым мне рыцарем я заключил, что имею радость видеть перед собой самого Ремли. Считаю это доказанным?

– Ты говоришь как доктор права, а не... – у Ремли опять выскочило из головы новое слово. – Как там?..

– Патафизики! – Альфредус многозначительно поднял вверх указательный палец, будто речь шла о чем-то действительно важном. – Не смущайтесь, что вы, господа, еще не слышали об этой междисциплинарной научной дисциплине, которая, подобно метафизике Аристотеля, помещенной...

– Простите, уважаемый доктор, – перебил Ремли, одновременно вручая повод Брауса Ниам и подталкивая ее в сторону, чтоб пошевеливалась, а не становилась лишним свидетелем разговора, который еще неизвестно куда повернется. – У вас на плече сидит не кузнечик ли? – указал Ремли на насекомое, в котором узнал Мельхиора. Волшебник тоже решил подслушать их разговор, для чего превратился в кузнечика.

– Ой, где?! – Доктор патафизики щелчком указательного пальца сбил кузнечика, и тот отлетел в поилку для лошадей. – На чем мы?..

– Ровно на том, что вы хотели рассказать, откуда меня знаете. – Ремли направил мысли доктора подальше от патафизики, поближе к делам более насущным. – И главное: зачем вам на старости лет сдалось такое опасное знакомство?

– Это удивительное совпадение, которое я сам затрудняюсь объяснить, ведь я тебя и не знаю, если посмотреть пристально в суть понятия, которое люди имеют в виду, говоря о знакомстве с кем-то.

Ремли воздел глаза к небу: беседа будет не из легких. Лакриан выглядит как Мельхиор, но говорит как пьяный Мерлин.

– Приятно поговорить с умным человеком, который так красочно изъясняется, – снова усмехнулся сэр Калибурн и вторично похлопал Ремли по плечу.

Тот понял радость рыцаря: Ремли в лице Альфредуса наткнулся на собственное разговорчивое альтер эго и сполна вкусит радости общения с самим собой, над чем сэр Калибурн с удовольствием посмеется. Хорошо, пусть игра начнется!

– Преодолей же затруднение, напряги свое вместилище мыслей, вдуй мыслительных духов в орган ума и заставь их крутиться, ведь не зря же ты, Лакриан, доктор. За заслуги пред истиной, должно быть, звание носишь. По праву рождения я еще не встречал докторов. Вот рыцарей всяких расплодилось от фамильных щедрот, как нерезанных псов, – в отместку Ремли кольнул остротой сэра Калибурна, – а докторов от законного брака пока не много на свет народилось.

– Если начать с самого начала, – приступил к рассказу Альфредус Лакриан, – то в этом городе я недавно. Я оставил кафедру свободного университета в Падуе...

– Итак, ты недавно. Откуда тебе известно мое имя?

– В поисках покровителя для своего дела, о котором в двух словах можно сказать...

– Хоть в двух с половиной, но позже!

– В поисках я искал встречи со многими известными людьми этой местности. Среди них был некий Рудольф Бец.

– Глава ордена паладинов! – воскликнул сэр Калибурн. – Сэр Рудольф Бец жив! Слава небесам, он спасся в резне...

– О которой мы тоже поговорим потом! – Ремли приостановил рыцаря. – Если мне прежде, чем узнать тайну, придется выслушать одну докторскую биографию, я еще стерплю, но если мы присовокупим сюда историю канувшего в небытие рыцарского ордена, то наш мокрейший Мельхиор окончательно поседет и умрет, не дождавшись конца.

Волшебник, подвергшийся в образе кузнечика купанию в поилке для лошадей, вернулся, приняв человеческий облик.

– Где ты нашел дождь в такую погоду? – спросил сэр Калибурн, удивившись подмоченному виду Мельхиора.

– Меня случайно окатили с балкона из ведра. К счастью, там была вода от мытья, а не помой или содержимое ночной вазы, – Мельхиор нашел приемлемое объяснение воде, стекающей с рукавов и подола плаща.

– Покажите мне этот дом! Никто не смеет безнаказанно окатывать моих друзей водой! – взорвался гневом рыцарь. – Тот дом, кто бы ни жил в нем, заплатит за твое платье серебром или кровью!

– Не стоит хлопотать. Я уж обругал их и принял извинения, – урезонил рыцаря волшебник.

– Так! – перебил их галантную беседу Ремли. – Всем молчать!

Альфредусу показалось, что молнии пробежали по волосам Ремли, а вокруг потемнело. Он даже поглядел на солнце, не началось ли пропущенное астрономами солнечное затмение, но небесное светило висело ровно, ярко и было «как никогда округло».

– Если еще кто-то скажет хоть слово, кроме Альфредуса, а Альфредус скажет хоть слово, не имеющее отношения ко мне, тому я в глотку засуну перчатку, и моя рука будет внутри! Говори, доктор! – приказал Ремли, и доктор, поежившись от страха, продолжил:

– Рудольф Бец сказал мне, что хотя сам не может оказать мне помощь, но даст мне рекомендацию самого решительного толка. Рекомендацию к молодому человеку знатного рода, путешествующему под именем Ремли. Он сказал, что означенный Ремли обладает многими талантами и еще большей властью, что он немного вспыльчив, в чем я имею радость убедиться, и добавил, что Ремли путешествует в компании двух старцев, один из которых подобен обликом мне, женщины и грудного ребенка и что он со дня на день прибудет в город. Хотя в числе спутников Рудольф Бец ошибся, я допускал, что ошибка возможна, поэтому и обратился к молодому человеку, который мне показался похожим на Ремли.

Человек, похожий на Ремли, развернулся, поднял голову и обратился к светилу:

– Доброе Солнце, очаг человечества, хоть ты объяснишь мне, каким образом Рудольф Бец снова возник в моей брэнной жизни в лице словоблудника в докторской мантии? Мельхиор! – Ремли резко повернулся к своей свите. – Он не доппельгангер?

– Нет. – Мельхиор щелкнул заклинанием истинного видения. Альфредус Лакриан был обычным доктором патафизики, без единой пуговицы магического Искусства на себе.

– Что за рекомендации мог дать тебе Рудольф Бец до меня? – спросил после проверки Ремли.

– Он изложил их в письме. – Порывшись в карманах, Лакриан извлек аккуратно завернутое в папку из телячьей кожи письмо. – Только прочесть его я не смог, хотя много языков мне известно.

Ремли вырвал послание из рук доктора. Восковая печать издевалась над Ремли гербом ордена паладинов. Он сломал печать, извлек письмо из хранилища и наискосок пробежал гла-

зами. Глаза его округлились, он поднес письмо так близко к глазам, словно хотел прочесть на бумаге даже запахи – бумага касалась его носа.

– Отлично, отлично, неплохо, неплохо, – бормотал Ремли, пробегая письмо второй раз.

– Так вы окажете мне помощь? – с воодушевлением спросил Альфредус.

– Потрудись объяснить, как пытался читать ты письмо, не вскрывая печати! – потребовал Ремли.

– Снял над паром печать без слома, а потом клейким составом собственного изобретения вернул на место, – ответил Альфредус, бесстыже глядя Ремли прямо в глаза, – уж не корите меня за невинную проказу. Будь там что против властей, то мне бы лучше не выдавать свое знакомство с содержимым, а скорее сжечь его. Вы-то должны понимать особенности теперешней корреспонденции! А коли письмо так зашифровано, что мне не прочесть, то и опасности держать его при себе для меня нет.

– Понимаю. Оставайся поблизости. Ты можешь нам понадобится! – Ремли скомкал письмо и запихнул его обратно в папку. – В кабак! – двинулся он к двери и махнул рукой своим спутникам, но не смог сделать и шага.

– Постойте, позвольте! – доктор патафизики проявил недюжинную смелость, остановив Ремли на пути в кабак и заступив ему путь. Альфредус знал: когда хочешь заручиться поддержкой сильных мира сего, нужно хватать за руки, одергивать за плечи, обнимать, подхалимничать, да хоть целовать сапоги, если придется. – У меня есть дом! – выпалил Альфредус, прежде чем Ремли успел испепелить его взглядом. Следует заметить, что такое испепеление вполне могло произойти буквально, хотя обычно Ремли так не поступал даже с самыми надоедливими собеседниками. – Зачем вам кормить этот клоповник? У меня хватит места! – Еще доктор патафизики знал, что приятное небольшое одолжение, сделанное якобы по доброте душевной, но на самом деле в инвестиционных целях, может окупиться тысячекратно.

– Веди, – смягчился Ремли. – У тебя есть где поставить лошадей?

– Только двух, к сожалению, – замялся Альфредус, стремительно выдумывая, куда можно приткнуть еще двух.

– Хватит! Парочку мы продадим. Сэр Калибурн, передайте Ниам, где нас искать, – распорядился Ремли и, подхваченный под локоток Альфредусом, исчез в толпе, оставив Мельхиора и сэра Калибурна гадать, что же сейчас произошло.

Они с доктором свернули за угол, прошли по узкой улочке, свернули еще раз, миновали улочку пошире, перекресток со статуей девы Марии, вмурованной в угол дома. Повторив эти маневры несколько раз, Ремли с доктором вышли на грязные задворки, встретившие их запахами сточной канавы. Впрочем, это было так обычно для всех городов, что скорее отсутствие этих привычных запахов вызывало странное ощущение нехватки чего-то нужного, ведь если город вымыт, как пол в церкви, то где же, простите, пожалуйста, уважаемые горожане, можно у вас справить нужду, если не на улице? Или у вас имеются для этого особые улицы? В Дордрехте такие улицы имелись. На одной из них и обитал доктор патафизики.

Дом Альфредуса выглядел неказисто, но имел три этажа и глубоко уходил вглубь улицы, следовательно, был просторен. Построен он был не то чтобы очень давно; пара поколений в нем, судя по состоянию стен, успела народиться, прежде чем богатые хозяева бросили свое загородное поместье, глубоко вошедшее к настоящему времени в городскую черту с ее непередаваемым ароматом. Владельцы перебрались или в центр, в чистоту и порядок, или дальше в просторы полей, где можно отгрохать себе поместье побольше и где никто не будет мочиться под твоими окнами прямоком на клумбу приусадебного садика. Дом растерял девять десятых стоимости, так как оказался слишком громоздким для бедных предместий, долго стоял без дела, пока его с ласковым «Отвяжись, собака!» не подарили в пользование безумному доктору.

Из дома доносилась музыка. Альфредус распахнул двери. На крыльце они с Ремли палками обтерли сапоги от грязи и пошли в сторону тех чудовищных звуков, которые снаружи

могли сойти за музыку. В доме оказалось людно. На первом этаже кутили человек пятнадцать. По облику Ремли принял их за студентов. При виде Альфредуса все завопили, один из студентов поднялся и, размахивая руками, заставил собрание прокричать троекратное «Гип-гип, ура!».

– Вот и наш доктор! Привел к заклятию знаниями новую жертву! – Собрание приняло Ремли за нового слушателя курса патафизики.

– Где имели злосчастье обучаться? – спросил умеренно трезвый студент у Ремли.

– Первый кельтский универсиум, – отрекомендовался Ремли.

В прежние встречи он приспособился к общению со студенческим братством, во все времена и во всех землях пребывавшим в состоянии беспробудного пьянства; без вреда для здоровья потреблявшим все дурманы и яды, известные человечеству, но по временам чередовавшим безумные запойные кутежи со столь же безудержным учением, при котором с неменьшим рвением потреблялась такая гремучая смесь знаний и премудростей, что вся выпивка мира не могла бы дать в голову сильнее, чем этот падающий с божественной высоты вечной истины гранит науки. Одним словом, Ремли знал, как сойти в студенческой компашке за своего.

– Кельтский? Не слышал, но, стало быть, из Англии. Жарден де Бетрав, – представился студент. – Тулузский университет. А вот ваш соотечественник из Оксфорда, – отвел он Ремли к студенту, извлекавшему те самые чудовищные звуки из расстроенного и покалеченного о многие головы музыкального инструмента. – Генрих Банлион. Может, вы где встречались?

– Ох, нет, – ответил Генрих. – Эту встречу я бы запомнил.

– Я рассказал нашему новому другу, что ты учился в Оксфорде, – сообщил де Бетрав.

– Ах, старый добрый Оксфорд, – жеманно ответил Генрих и пропел:

Из стен своих с достоинством немалым

Нас на убой, продажу и расправу

Отправил Оксфорд.

Чем старик нам очень мил,

Куда милее, чем в ученье был.

– Ты уверен, что этот инструмент служит для ублажения слуха, а не для истязания грешников в аду? – спросил Ремли, косясь на то дупло с рейкой и струнами, что терзал в поисках созвучий Генрих.

– Если хочешь, можешь поиграть на моей лютне. – Генрих протянул Ремли инструмент и кокетливо улыбнулся.

– Мой инструмент – волынка. – Ремли отказался от едва прикрытого музыкальной метафорой интимного предложения такой же метафорой.

– Я бы взглянул, как ты управляешься со своей *волянкой*, – не отступал Генрих. – Музыка учит нас, что игра на двух инструментах приятнее, чем на одном.

– Пойдемте, – на выручку Ремли подскочил Альфредус. – Не обращайтесь внимания на Генриха, вечно он подсовывает всем свою лютню, – шепнул доктор своему возможному покровителю, когда они оказались на лестнице. – Оксфорд развращает людей. В моем университете такого не будет. У меня будет подлинный храм науки, без всяких лютней и волюнок!

– Но пока у тебя только адская таверна, – так Ремли оценил дом Альфредуса.

– Истинно так! – согласился Альфредус. – Но грядут перемены!

– Тогда что у тебя наверху? Бордель прокаженных?

– Наверху никто не живет, там тихо и есть где отдохнуть с дороги такому особому молодому человеку, как вы, – растекся в любезностях доктор, но в опровержение его слов снизу раздались удалые студенческие куплеты:

*Дрок горит зеленым дымом,
Еретик в чаду кричит:
«Кабы Бог наш был единым,
Не делился б на троих!»*

*Докторшишка многих прав
Все сморкается в рукав:
Кто был не прав, права поправ,
Сам станет поправленным в правах.
Он читает нам устав,
И с уставом на устах,
От него всерьез устав,
Мы идем гулять в кабак!*

*Философии чудак
Объяснял нам так и так:
Акциденций проявления
Вызывают изумленье,
Но в субстанции монаду
Выделять, малыцы, не надо.
Мы не будем выделять,
Мы в кабак пойдем гулять,
Там живут такие бабы —
Никаких монад не надо!*

*Дрок горит зеленым дымом,
Еретик в чаду кричит:
«С сатаною разлюбимым
Скоро дружбу мне водить!»*

*В кабаке нам здорово
Изучать историю:
Родился, свершил, издох —
Где тут демократия?
Новый цезарь – крижску хлоп!
Слава императору!
Гай Светоний-то для нас
Аж двенадцать их припас!*

*Нам милейший богослов
Обещал, что из ослов
Сотворит он мудрецов
Помудрей святых отцов.
Нам, однако, не понять
Тетраграмматон:
Не пропить, не проиграть —
В пень-колоду нужен он!*

Дрок горит зеленым дымом,

*На костре палят меня!
Потушите, братцы миль!
Мне в кабаке идти пора!*

Шум музыки на втором этаже Ремли не понравился, и доктор повел его выше. На третьем этаже Альфредус провел Ремли в комнаты, которые не убирались со времен Девкалионова потопа. Ремли ужаснулся.

– Кабы я мог развернуть реку напрямиком в твой дом, я бы вычистил тут все, но, даже будь мне по силам повороты рек, ее воды смыли бы лишь тех весельчаков, что не дадут нам спать. Зачем ты привел меня сюда? В твоих хорах только лишай разводиться! Это вообще что? Голубиный помет? Видно, только его клейкость не дает дому распасться на части от той милой музыки, что мы слышали, раз ты держишь здесь такие залежи этого ценного сырья! —

укорял Ремли Альфредус за недобросовестность.

– Тысячи извинений, господин! – Альфредус сам удивился, в каком плачевном состоянии оказался верхний этаж. Получив от дордрехтского мецената в пользование дом, доктор так обрадовался, что поленился подниматься так высоко. Он и подумать не мог, что за какие-то двадцать лет комнаты превращаются в такое. – Конечно же, здесь все уберут и вычистят! Ваш сон будет как никогда крепким!

– Как никогда мне не надо! – воскликнул Ремли. – Последний крепкий сон мой затянулся на тысячу лет, если я засну еще крепче, то уж не проснусь!

– Ах, что за гротескное изящество в речах! – расплылся в улыбке Альфредус, продолжавший ублажать Ремли. Лишь бы рыбка не сорвалась с крючка. Надо любой ценой удержать его! – Лишь изволь, господин, отдохнуть немного за кружкой местного пива, которого не сыщешь лучше. А тем временем я распоряжусь убрать к вашему возвращению.

– Уж постарайся убраться к приходу гостей, нерадивый хозяин! – прикрикнул на доктора Ремли.

– Я получил этот дом лишь неделю назад от одного высокопоставленного члена ратуши, – оправдался доктор, и то неповторимо ласковое «Отвяжись, собака!» снова ангельской музыкой прозвучало в его ушах, но что значат слова, когда человек передает с ними расписку на недвижимое имущество!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.